

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юлиан

У ЛУКОМОРЬЯ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 6. У Лукоморья**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 6. У Лукоморья /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-855-6

В шестой том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошло продолжение его репортажей из рубрики «Широка страна моя...», которую «Комсомольская правда» в конце шестидесятых годов прошлого века открыла к 50-летию Октябрьской революции. И конечно – первые публикации его знаменитой авторской рубрики «Окно в природу», которую Песков вел до своего последнего дня.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-855-6

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1967	9
Вышка в пустыне	9
Европа – Азия	11
Зима	14
Олени	14
Волк	15
Белка	16
Воробьи	17
Филин	17
Магнитка	19
Стоит поразмышлять...	25
Мгновение	26
Мосты	29
Воронежский лес	32
Деревня российского академика	38
Березовый сок	43
Край Москвы	46
Тысяча слов о бескорыстии	47
Он видел небо...	51
Мощные реки	54
Каспийский паром	56
Город на сваях	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 6. У Лукоморья. 1967–1969

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Ощущение прошлого в прямой связи с тем, что тебя окружает, с тем, что тебя касается в жизни, всегда давало людям уверенность в будущем, давало человеку необходимое равновесие в размышлениях о смысле жизни и своем месте в ней. Мы говорим: памятники старины... воспитывают в нас ощущение Родины, причастность к ее судьбе. Это верно и очень важно. Но это не все. Узнавание всего прекрасного, что оставили жившие до тебя, оставляет у любого человека ощущение и твоей нужности на земле. Это великое, необходимое людям чувство».

В. Песков

Предисловие

Песков обожал анекдоты. В редакции обычно если мы с ним встречались где-то в коридоре, на верстке или в отделе «толстушки» – нашего еженедельника, первое что спрашивал Василий Михайлович, поздоровавшись: «Ну, что? Новенькое? Есть?» Это означало, что он ждет новых анекдотов, потому как знал, что я как раз эту рубрику в «Комсомолке» и веду. Да дело не только в рубрике.

В 1989 году так получилось, что с десятков журналистов вылетел спецрейсом на Аляску. Тогда мы только начинали большие дружеские походы в Америку по принципу: наши живут дней десять в американских семьях, знакомятся с жизнью страны-«заклятого друга», а потом столько же американцев прилетает к нам в гости.

Так вот, рейс был специальный, по совершенно новому маршруту, для нас специально открыли пролет севером, через Берингов пролив, прямо на Анкоридж, до этой поры – совершенно нереальный маршрут. Лететь надо было, кажется, часов десять-двенадцать (учитывая посадки). На борту были изрядные запасы еды и выпивки. И так вышло, что сидели мы с Песковым рядом, я тогда был молод и по этой причине воздержан, а Василий Михайлович вообще спиртного не употреблял. Даже на самых дружеских застольях, как я узнал позже, он мог пригубить (именно пригубить!) рюмку водки, да и все, пожалуй.

Это я к тому, что компании было хорошо, а нам с Василием Михайловичем делать было положительно нечего. И как-то так случилось, что я стал рассказывать анекдоты. Песков оживился, рассказал пару своих в ответ. И пошло-поехало! Словом, не считая перерыва на пару часов на сон, мы всю дорогу, что называется, травили анекдоты.

С тех пор и подружился, хотя об этом тогда и мечтать-то было невозможно. Все-таки, Песков – мэтр, лауреат Ленинской премии (за книгу «Шаги по росе», составленную им из репортажей, напечатанных в «Комсомолке»), телеведущий популярнейшей передачи «В мире животных» не то, что мы, новички, только что прибывшие в редакцию с журфака.

И с тех же пор, повторю, все наши встречи начинались с вопроса «Ну что? Новенькое? Есть?» и обмена анекдотами. Это уже было как пароль.

Анекдоты Василий Михайлович, признаюсь, любил и знал разные. Весьма. Ну, вы понимаете, о чем я говорю? Но как-то сказал: «Анекдот подмены слов не терпит. Так что рассказывай спокойно, как есть».

К чему я все это вспоминаю? А к тому, что многие свои заметки он писал, как анекдоты. Но только – в изначальном значении этого слова. Ведь по классике литературы анекдот – это краткий рассказ об интересном случае. А уж потом юмор и прочие хохоталки.

Каждая из заметок Пескова – это анекдот: он никогда не писал о том, что было лично ему не интересно. Именно интересные и неожиданные случаи, никогда не бросавшиеся нам в глаза детали привычного мира (мы же страшно все не наблюдательные!), обязательное ненавязчивое поучение, совет, вопрос для размышления – все это заставляет читать Пескова годами. И помнить то, что он написал.

Почитайте, как он описывает никому не известный поселок Газета, название которого прочел однажды на карте у летчиков, с которыми летал по стране. Или про Ростов Великий, про который он почти ничего не рассказывает, зато великолепно и занимательно знакомит нас с историей названий городов на Руси, да и не только на Руси. Это запоминается!

Навсегда. Точно так же, как навсегда запоминаются нам хорошие анекдоты.

Вообще из всего, что написал Василий Михайлович, можно было бы сделать неплохие учебники для внеклассного чтения для ребят. Учебник географии, учебник истории, учебник

зоологии. Не даром, по сути, все свои книги тот же Жюль Верн задумывал, как настоящие увлекательные энциклопедии о мире для детей.

И поверьте, «учебники Пескова» были бы на сто порядков интереснее, чем нынешние скучные и плохо написанные пособия, которые школьники вынуждены штудировать одиннадцатый лет.

Так что не стесняйтесь – давайте вашим детям и внукам читать это собрание сочинений Василия Михайловича. Польза будет. И огромная.

Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1967

Вышка в пустыне

Широка страна моя...

Разглядываю снимок. Припоминаю, как мы летели к вышке. На всем пути в барханах встретили один-единственный колодец и двух верблюдов. На буровой, увидав вертолет, решили, что раньше времени прибыла смена. Смена из поселка всегда прилетает на вертолете – семь человек бурильщиков заступают работать, семь улетают на отдых. День и ночь крутится стальной стержень буровой вышки. Песок, вода, глина, соль. Но ради этого тут, в кызылкумских песках, не стали бы жариться. Ждут газ или нефть.

Вышку волокли сюда тракторами. Целый поезд тракторов тянул по пескам эту махину. А стала она на место, сразу же потянулись к геологам пастухи со своими отарами – около вышки всегда вода, есть с кем перекинуться словом.

Не сладко работать в пустыне, сейчас, зимою – мороз, а летом даже в тени жара – за сорок. Однако днем и ночью работает двигатель. Шестьдесят метров в сутки прибавляется глубины. Ждут нефть или газ...

Я сейчас подумал: мой дом в Москве крепко связан с этой вышкой в пустыне. Вот сейчас я захотел вскипятить чай. Повернул ручку на плитке, и заплесал под чайником синий огонь. Правда, пока что в московских домах горит ставропольский и саратовский газ. Но на промышленных картах уже прочерчена новая магистральная линия. Линия из кызылкумских песков переходит Аму-Дарью, обтекает Аральское море и движется дальше на запад. Местами линия сплошь черная, в других местах – только пунктир. Это значит, где-то газопровод уже построен, где-то строится. Три тысячи километров! Если заглянуть в справочник, обнаружишь: самый длинный газопровод в мире. У него есть название: Средняя Азия – Центр. Несчетное число озер, рек, болот, песков, гор и разных других препятствий надо перешагнуть трубе, которая начинается у пустынных скважин и кончится у бесчисленных сковородок, чайников, химзаводов, мартенов, домен.

На наших глазах газ вытеснил из печей дрова, уголь, мазут. Кое-где упразднились и сами печи. Вот против моих окон старинный пятиэтажный дом. У него девять труб. У труб одно назначение: выпускать дым. Они и дымили исправно лет пятьдесят. Но последние пятнадцать лет уже не дымят. Снег на крышах кипенно-белый, а в двух крайних трубах галки построили гнезда и каждую весну выводят птенцов. Вот что сказал по этому житейскому поводу заместитель министра газовой промышленности Юрий Ильич Боксерман:

– Мы привыкли к газу в домах так же быстро, как к телевизору, и не всегда сознаем, что в нашем быту произошла целая революция. Ни одна отрасль нашей промышленности не развивалась так быстро, как газовая. Мы начали газификацию после войны, начали гораздо позже других. В 1945 году американцы добывали сто пятнадцать миллиардов кубов газа. Мы – три с половиной миллиарда (в тридцать раз меньше!). Мы и сегодня пока еще значительно отстаем. Америка добывает четыреста шестьдесят миллиардов кубов. Мы – сто сорок пять (отстаем примерно в три раза). Но темпы нашего роста обнадеживают, и нет причин опасаться их замедления. В последнее время открыты богатейшие в мире месторождения в Средней Азии, на Крайнем Севере. Идет строительство трубопроводов. Южный и северный газ пойдет в промышленные центры. Бухарский дойдет к Москве уже в этом году.

– Газ – это не только революция в жилом доме, на кухне. «Кухня» потребляет всего двенадцать процентов добычи. Газ заставляет обновлять, перестраивать промышленность. Газ – это сырье для удобрений, замена дорогих коксующихся углей, это топливо для мар-

тенов, электростанций, доменных и цементных печей. Потребность в газе на земном шаре можно сравнить разве что с нефтью. Франция ввозит сжиженный газ. Таким же образом до последнего времени снабжалась и Англия. Мы небольшую часть газа собираемся покупать у своих южных соседей. Из Афганистана газ пойдет в среднеазиатскую сеть. Иранский газ – в Закавказье. На севере мы, в свою очередь, продаем излишки газа в Европу. Одновременно идут поиски все новых и новых месторождений.

На этом снимке – одна из большого числа вышек, разбросанных по нашей земле.

Снимок сделан с вертолета геологоразведки. Пилот – Василий Згривец.

Фото автора. Кызылкумы. 29 января 1967 г.

Европа – Азия

Широка страна моя...

Тут, на лесной поляне, Европа встречается с Азией. Две елки. Одна в Европе, другая растет на виду у нее – в Азии. Замерзшие свистистели поднялись от людских голосов с рябины, сделали круг над поляной и сели на другую рябину, в Азии. Люди на поляне замерзли, греются – бегают из Европы в Азию и обратно. Автобус на дороге делает остановку, пассажиры глядят на каменный столб с надписью: «Европа – Азия», палкой провели черту на дороге, со смехом прыгают в Азию.

Два великих материка встречаются на Уральском хребте, глядят друг на друга через реку Урал: Европа и Азия. Кое-где граница проходит между соседними селами – в гости ходят на другой континент. В Магнитогорске день проводишь на правом берегу Урала, а вечером трамваем едешь в гостиницу – в Азию. В практической жизни граница значения не имеет. Однако есть что-то значительное в минуте, когда в первый раз пересекаешь эту черту. Сзади – тысячи километров. А впереди подернутые морозом гребни синих лесов – новые тысячи верст твоей земли. В эту минуту явственно чувствуешь ее размеры. Европа и Азия.

Всегда ли именно тут по хребту проходила граница? Покопавшись в книгах, узнаешь: в пятом веке до нашей эры историк Геродот проводил границу по Константинопольскому проливу (Босфору), по Черному и Азовскому морям и по реке Дон. Далее к северу земля для греков была неизвестной. В семнадцатом веке границей считали Дон, Волгу, Печору и Каму. Француз Гильон на карте 1760 года продлил Европу до реки Обь. Однако географ так плохо знал восточные земли, что упустил обозначить Уральские горы, он просто не знал, где они есть. Немецкий природовед Гумбольдт предложил считать Европу и Азию единым материком: Евразией.

Первым границу по Уральским горам провел русский географ петровских времен Василий Татищев. Этот замечательный человек хорошо знал свою землю. Он заметил: реки с Урала текут в двух направлениях, одни – в Печору и Каму, другие – в Обь. «На западной стороне рыба в реках красного тела: лососи, харьусы. В восточных реках, хотя наружным видом подобны западным – таймени, нельмы и муксуны – но как телом белы, так и вкусом различны». Замечено было: растительность за горами тоже заметно меняется. «Сие и сему подобные обстоятельства подают причину утверждать сие горы за границу между Азией и Еуропою». Татищев же первым дал письменное название: «Уральские горы». До него их звали по-гречески: Гипербореи. Татищев назвал их местным именем. По-татарски «Урал» – значит «пояс», каменный пояс.

Так определилась и закрепилась граница. Теперь едущий или идущий пешком в разных местах заметит на ней пограничные метки-столбы. Они ставились в разные годы. В одном месте это литое сооружение, похожее на церквушку, в другом – пирамида, кованная из демидовского железа. Есть столб с фонарем, предупреждавшим путника: подходишь к Азии. Совсем новый столб с моделью земного шара и спутниками. До последних лет не знали, сколько всего столбов на границе. Теперь насчитано, кажется, семь. Но нельзя поручиться, что сосчитаны все. Граница тянется от Заполярья до Каспия. И столбы появляются в новых местах. В Магнитогорске при мне обсуждался проект такого столба...

Люди имеют объяснимую слабость ко всяким символическим линиям на планете. Перелетая экватор, летчик обязательно качнет самолет, и тут же тебе вручат значок и грамоту о том, что ты видел «середину Земли». Американцы на антарктической станции «Мак-Мердо» вручили нам дипломы «перешагнувших Полярный круг». Из Европы в Азию и обратно ездят столько людей, что до значков и грамот вряд ли дойдет. Хотя почему бы и не придумать что-нибудь в память о переезде границы? За рубежом в самолетах и поездах

продают сувениры. Почему бы и нам не иметь веселый, со вкусом сделанный пустячок для украшения путешествия...

Обживают границу сегодня туристы. Десятки летних и зимних маршрутов. И есть особый туристский праздник, рожденный тут, на границе Европы и Азии.

Все началось с дружеской переписки Москвы и Свердловска: «Давайте встретимся у столба». Встреча была столь веселой и интересной, что вот уже шестнадцатый год подряд в первое воскресенье февраля к столбу, стоящему в сорока километрах от Свердловска, едут туристы. И не только москвичи и уральцы, но и Прибалтика едет, Камчатка, Кавказ, Сыктывкар, Мурманск, Воронеж, Омск, Красноярск, словом, Европа и Азия.

Встреча на границе Европы и Азии.

Пограничный столб в сорока километрах от Свердловска.

Около тысячи человек и в этот раз зажигали костер. Я не видел более веселой и оживленной «туристской ярмарки». Обменивались подарками, значками, маршрутными картами. Состязались: кто лучше разберется с картой на местности. Новые песни, новые исполнители и сочинители песен, знакомства, уговоры встретиться там-то и там-то на летних дорогах. И почти каждая из приехавших групп делает зимнее путешествие по Уралу.

...Стоишь на хребте и видишь землю, тебе принадлежащую. Направо – земля и налево – земля. След самолета над головой. Голубые дымы из видимых и невидимых труб тянутся вверх над лесами. Обрыв скалы. Белая полоса речки. И опять то ли дымы, то ли морозный пар над землей. Железно-каменный, поросший лесами хребет на тысячу километров. А справа и слева – два крыла у страны: Европа и Азия.

Снимок сделан с помощью военных летчиков. Командир вертолета – Евгений Бельский.

Фото автора. 10 февраля 1967 г.

Зима

Пишет отец из Воронежской области: «Зима как по заказу. Старики не помнят таких снегов – выше прясла понавалило. А мороз – аж дубы в лесу стали лопаться». Я в том же духе пишу отцу о московских снегах, о морозах и знаю: доставлю ему удовольствие. Во всех нас живет неистребимое желание видеть зиму «настоящей» – морозной и снежной, а весну – многоводной. Дело тут, видно, не только в примете: «много снега – много хлеба». Просто любо русскому человеку и снежное обилие, и морозам он рад, потому что вся его родословная от пещерных костров знавала морозы. И если идет череда зим бесснежных и мягких, ворчим: «Зима... Вот раньше...»

И вот после долгого перерыва стоит на дворе та самая «настоящая зима». От Молдавии до Урала – навалы снега.

Кое у кого из нас в память о январских стужах остались обмороженные носы и уши. Но в целом человеческий мир без потерь и больших трудностей пережил зиму. Человек что бы ни делал, в любом месте найдет спасение от мороза. А каково живется зимою тем, у кого ночью над головой звезды и постелью служит холодный снег? Со всех концов идут вести о бедствиях птиц и зверей. Холод, еды надо много, а еду не достанешь под снегом. Любопытно, что многие из животных ищут защиты и покровительства у человека. В Свердловске возле оперного театра растут рябины. Большая стая свиристелей каждый день прилетает из леса кормиться к театру. Кормятся в пяти шагах от прохожих, при шуме автобусов и трамваев. В солдатской казарме в сибирском городе я наблюдал: стоит приоткрыть дверь – в казарму устремляются замерзшие воробьи. В Челябинском авиационном вокзале в морозные дни нашли себе приют воробьи и синицы. Щебет, теньканье, воровня крошек со столиков. Даже самые хмурые из людей улыбались...

Тревожные вести из заповедников: растеряли силы олени, козы и кабаны. Нужна скорая помощь.

Звери в такое время почти не боятся людей. Голод гонит их на лесные дороги, к поселкам, к стожкам сена. Наша обязанность: помочь животным и птицам перенести тяжелое время. Горсть крошек и зерен, охалка сена – и чья-то жизнь спасена. За добрым делом мы сможем и лучше разглядеть лесное житье-бытье. Животные, конечно, не совсем утратили опасения к человеку. Но в такое время они чувствуют: человек милосерден и не поднимет руку на беззащитных.

А зиме скоро уже конец. Вы заметили: сугробы из серовато-белых стали золотистыми, с глубокими синими тенями. И весь мир над снегами в солнечный день залит тревожно-радостной синевой. Конечно, будут еще и метели. Но как ни дорога нам зима, мы с радостью проводим ее и с радостью встретим все, что бывает после зимы.

Олени

Идут к человеку. На поляне их ожидает корм. Но поглядите, как нелегко идти оленям за этой подачкой. Остановились, прислушались, подбирают случайную ветку. Глубокий снег заставляет оленей собратся в стаю, так легче идти. Первый делает след, остальные – за ним. Потом уставшего первого сменяет новый. У них сейчас много врагов: мороз, снег, волк может забежать в заповедник, даже обезумевшие от голода кабаны норовят окружить ослабевшего и тут же сожрать. Человека олени тоже боятся. В другое время они не решились бы, а теперь голод заставляет идти шаг за шагом. Там, за соснами, темнеет спасительный корм. Гордый рогатый самец обессилел больше других. Крупные и сильные в голодную пору поги-

бают скорее всех. Шаг за шагом олени тянутся к корму. Завтра к тому же месту они пойдут смелее. Но это до тепла, до первых проталин. Тогда они опять станут дикими, осторожными.

Волк

Волков по российским лесам осталось считанное число. Человека этот зверь боится смертельно. Даже возле логова, где спят слепые детеныши, волк не кинется защищать потомство, поджав хвост, убежит. Причина этому – опыт постоянной жизни возле людей. Волк набирается мудрости, и эта мудрость учит его: с человеком лучше не связываться. И все-таки куда ему податься от человека? Голодная зима гонит серого поближе к деревням, ометам, где пахнет овцами, где на худой конец можно задрать собаку. За ночь тридцать – сорок верст меряют волчьи ноги в поисках хоть какой-нибудь пищи. И сразу же переполох в селах: волк! Ружья, флажки, собаки. Люди прижимают волка где-нибудь в закутке леса, ставят загородку из кумачовых флажков и ждут с ружьями...

Почти вывелись волки. И только уж хитрый из хитрых оставляет следы в перелесках. Этот волк живет под Тамбовом. Его тоже выследили, обложили флажками. Как водится, шум подняли. Кинулся волк к «воротам», а оттуда: шарах! Охотник оказался не очень метким. Одна картечина достала волка. Роняя красные капли, обезумевший зверь кинулся куда попало. Но есть же и волков счастье! – выскочил на человека, у которого вместо ружья фотографический аппарат. Выстрела не было. Мгновение – и волк от страха махнул прямо через флажки... Другом зверя не назовешь, и все-таки было бы скучно в лесах без единого волка.

Белка

Для белок нынешняя зима – двойное бедствие. Холода, а главное – не уродились шишки. Замечали, наверное: в лесу под елками снег кое-где засыпан тонкими веточками. Это белки кормились еловой почкой. Еда не сытная, и главное – сколько веточек надо срезать!

Лучшая судьба у белок, живущих где-нибудь поблизости от людей. Белки доверчивей всех из животных. И люди к белкам питают особую слабость. Вот и перепадает зверькам: орех, печенье, косточки сливы. Я знаю три места, где белок люди взяли под свое покровительство: сибирский Академгородок, Подлипки – недалеко от Москвы и городской парк в Таллине. Вот эта жительница Академгородка только что взяла из моих рук пряник.

Воробьи

В нашем доме живет глухой старик. Дворовые воробьи знают его уже несколько лет. Каждый день старик спускается с пятого этажа, неторопливо достает из кармана затейливую табакерку, и воробьи сразу же тут как тут. Когда-то старик, наверное, курил или нюхал табак. Теперь по старости бросил, а табакерку приспособил к новому делу. Потрясет: из табакерки сыплется пшено или просо – угощение воробьям. Воробьи из тысячи людей, наверно, узнают своего благодетеля. Дня три назад идет он с сумкой из магазина. Воробьи, конечно, сейчас же ему под ноги. Лезет старик в карман, а табакерка пуста: «Ну что ж, нет пшена, вот вам булка». Тут я и заснял из окна забавную сцену. Воробьи сразу поняли: булка – штука съедобная. Но очень уж непривычна еда. Собрались кругом, трещат. Голодные, а боятся. Нужен герой, который бы первым... Герой, конечно, нашелся, прыгнул на булку... И вот уже третий день идет пир под окном.

Филин

А этот житель лесов человека всегда сторонится. Ему не надо никакой помощи, чем больше бедствий в лесу, тем сытнее живет. Ночью он хорошо видит. И если услышишь в лесной темноте крик зайца, можно предположить: глазастый охотник настиг добычу.

Увидеть филина летящим или сидящим днем в каком-нибудь укромном уголке леса — большая удача. При встрече не спешите поднять ружье. Хотя и хищник, но очень редок. И его всячески стоит оберегать. Встреча с этой таинственной птицей оставляет много воспоминаний.

Фото автора. 19 февраля 1967 г.

Магнитка

Широка страна моя...

Два этих снимка сделаны с самолета в разное время. Первый сделан в 1929 году. Второй – несколько дней назад. На снимках – одно и то же место над рекой Урал. Тридцать восемь лет назад это место выбрали для строительства. Тогда первый раз прозвучало слово «Магнитка».

Магнитка... Конечно, сразу хочется увидеть знаменитую Магнитную гору, от которой все и пошло. Слышал о ней в разговорах, в газетах. Знаешь, что это клад необычайной цены, что японцы в свое время предлагали царю за гору двадцать пять миллионов рублей. И теперь стоишь растерянный: горы нет. Далеко внизу – почти игрушечный экскаватор, змейкой бежит состав с вагонетками. Тебе объясняют: «Гора была как раз на месте этого котлована...» За котлованом до горизонта стоят белые, красноватые, сизые облака. В погожий день, когда дымы и пар столбами уходят вверх, можно попытаться сосчитать трубы. Я насчитал двести семнадцать и сбился. Целый город темных, непривычных для глаза строений: эстакады, трубы, мосты, краны, шеренга домен. Все в белых дымках. Позже узнаешь: в этот железный город приходят ежедневно десятки тысяч людей. Огромное число. Но где люди? Город кажется пустынным, так велики размеры сооружений и площадь, которую они занимают.

За день я едва осилил путь, где проходит руда из котлована до цеха, где по железным каткам несется красный, брызжащий искрами слиток стали, называемый слябом. Крас-

ное тесто, ускоряя и ускоряя бег, превращается в стальные листы. Они проносятся над станом красными птицами и оставляют у новичка ощущение сказки. А где-то рядом в другом, столь же длинном цехе, сталь катают почти до бумажной тонкости, превращают потом в белую жесть. Другие цехи катают рельсы, проволоку, стальные ленты и полосы, арматуру для строек, разных видов фигурные профили. Тут во время войны катали броню танков, а теперь строят, кажется, самый большой из цехов – будут катать автомобильный лист для завода в Тольятти на Волге. Это новый заказ страны для Магнитки. Но это не новость сама по себе. Со дня рождения Магнитка получает и получает заказы. Не будь Магнитки, мы вовремя не имели бы тракторов. Без Магнитки вряд ли мог устоять Сталинград. Каждый второй снаряд, каждый второй банк были сработаны из стали, сваренной в этих печах. И сегодня: станок, пароход, комбайны, ученическое перо, иголка – все сталь. «В прошлом году подведен итог. Магнитка со дня первой плавки дала сто пятьдесят миллионов тонн металла. Много ли это? Это в семнадцать раз больше, чем давала за год вся индустрия старой России. Магнитная гора переработана в сталь!

В день знакомства с Магниткой я говорил с директором комбината и главным режиссером городского театра. На вопрос: «Какие заботы сегодня?» – директор Воронов Феодосий Дионисьевич, Герой Труда, член ЦК партии, сразу сказал: «Руда! Руда, руда...»

У режиссера Резина Анатолия Андреевича другая забота: надо добыть пятьдесят пар лаптей. «Два месяца бьемся, списались со стариком из Чувашии...» Магнитогорский театр ставит пьесу «Стройфронт». Воскрешается Магнитка первого года жизни. Сто тысяч обутих в лапти людей начинали Магнитку.

Сто тысяч обутих в лапти... В городе я видел старую кинохронику. Сколько б ни говорили мы о Магнитке, о Днепрогэсе, о Комсомольске Амурском, никаким словом не скажешь больше, чем говорят эти старые в царапинах киноленты.

Роят котлован домны. Лопатами с уступа на уступ кверху швыряют землю. Первый котлован. А сколько еще всего вокруг этого котлована надо построить! Задуман комбинат не просто современный, но самый крупный из всех, какие в мире существовали. Знания, как построить? Их было немного. Механизмы? Лопата, лом, тачка, лошадь. Место выбрали дикое, необжитое. За рубежом мало кто верил, даже друзья. И только эти сто тысяч в лаптях, отчаянно копавшие землю, верили. Есть в хронике кадры январской метели. Белое молоко. И в этом свистящем месиве – люди и лошади. В холода там, на экране, ежишься даже ты, сидящий в теплом, уютном зале. Работа не останавливалась и в такие зимние дни. А вечером: палатка или тесный барак, закоптелый чайник на печке. Есть кадры: у печки сушатся лапти. Обычная по тем временам обувка. Оператор, снимавший для памяти стройку, знал, что Россия будет носить другую обувку и будет дивиться: неужели так было?..

Ветхая подшивка газет. Почему-то особенно любопытно смотреть листы за тот год, когда ты родился. Вот пожелтевший номер. Тебе было пять месяцев, и мир, как утверждают врачи, был в твоих глазах еще перевернутым кверху ногами. Каким-то вечером ты спал у материнской груди, а отец, возможно, около лампы читал вот эту статью о Магнитке. Вот о Магнитке говорит Максим Горький, вот Демьян Бедный пишет: «Вытянем!» Вот зарубежные вести: не верят, злорадствуют... В старых бумагах отыскалось письмо тех времен:

«Товарищи магнитостроевцы!» Я работаю телеграфистом на нашей станции Амосов. Я много читал о вашем героизме. Так вот и представляется мне сибирский мороз, и в нем огни горят. Из морозного тумана поднимаются леса вокруг будущих домен. Вокруг тех самых, что насытят нашу страну железом, сталь которых хлестнет по крыльям вражьих самолетов, если они задумают на нас налететь. Хотелось мне попасть к вам, но я больной и прикованный к станции. Смотрю я на поезда, хожу по станции и вижу, в тупике на вагонах мелком написано: «Груз Магнитострою». И стоят эти вагоны... То идет, другое идет, а они стоят. Взял я и тайно (не знаю, можно ли так) написал плакаты да все приклеил на вагоны. А написал так:

«Товарищи! Здесь срочный груз гиганту металлургии Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей железа. Проталкивай груз в первую очередь!» И что же? Ушли все вагоны. Не показываю виду, спрашиваю у начальника про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их на станции держать». Мне стало радостно от своей помощи. Алексей Барышев, комсомолец».

Для комсомола в те годы Магнитка была испытанием. Все самое трудное, самое ответственное на стройке комсомол валил на свои плечи. Но и вся страна стояла у колыбели Магнитки. Подсчитано: сто шестьдесят заводов делали оборудование. Сто восемь учебных заведений готовили рабочих и инженеров. Сто тысяч крестьян из российских деревень с сундучками, с лопатами, топорами и пилами приехали на Урал.

Виктор Емельянович Калмыков и он же (справа) после года на стройке. Фото М. Альперта из журнала «СССР на стройке».

Мы жили в палатке,
с зеленым оконцем,
Промытой дождями,
просушенной солнцем.
Да жгли у дверей золотые костры
На рыжих камнях
Магнитной горы.

Эти литые из бетона строчки я прочитал у монумента – палатки, недавно поставленной магнитогорцами в память о первых годах.

Небольшой труд разыскать сегодня тех, кто жег «золотые костры», они живут тут же, в городе. Найдешь их в Москве и во многих других местах. Я испытал радость, когда при знакомстве старый доменщик сказал: «Ну а как поживают Семен Нариньяни, Валя Китаин?» И тот и другой журналисты, работали до тебя в «Комсомольской правде», тут, на Магнитке, в разное время они выпускали специальную «Комсомолку» строителям. Приятно было рассказать доменщику: именно в те годы «Комсомольская правда» получила свой первый орден. Был учрежден орден Ленина. И самый первый, орден № 1, вручили комсомольской газете.

...Тридцать четыре месяца разделяют на Магнитке первую палатку и первый металл. Тридцать два года назад столь короткий срок ошеломил всех, кто сколько-нибудь смыслил в такого рода делах. Сегодня мы строим и много, и споро. Но если бы мы захотели из всего, что сделано, выделить самую большую победу, мы бы сказали: Магнитка. Это не только советская гордость. Из всех работ на земле, исполненных в этом веке, едва ли не самая удивительная – Магнитка.

Заглянем в лицо тем, кто строил и кто тридцать два года непрерывно поддерживает огонь Магнитки. Честно сказать, я растерялся: кого назвать? Тысячи людей. Поискать своих земляков? Вся Россия посылала людей. Есть, наверное, и черноземцы?.. Я без труда нашел земляков.

Вот первый из них, Калмыков Виктор. Лучше всего о нем расскажут эти две фотографии, сделанные с перерывом в один только год. Сундучок, лапти, пиджак в заплатках, деревенская настороженность – таким был парень из черноземной Калмыковки в 1931 году. А в 32-м журнал, проследивший судьбу Калмыкова, весь номер посвятил этому человеку. Не будем повторять сказанное о трудностях стройки. Калмыков Виктор испытал их полной мерой. Заметим другое: трудности и лишения не ломали человека, а возвышали. Поглядите, сколько достоинства, сколько рабочей уверенности. Поглядите, как твердо он стоит теперь на земле, все тот же парень – Калмыков Виктор. За один год он и копал землю, и стал бетонщиком, а пришло время монтировать домну – стал и монтажником. Он приехал неграмотным человеком. Вступая через год в партию, он своей рукою написал заявление. Мы можем гадать, каким чудом учился, если с утра до ночи был занят лихорадкой работы. Но ведь и вся страна тогда именно так работала и находила время учиться.

Виктор Калмыков погиб трагически перед войною. Но его помнят. Это был славный человек, один из ста тысяч, творивших чудо Магнитки.

Другой земляк. Шатилин Алексей Леонтьевич, ровесник Калмыкова. Он приехал на Магнитку из курской деревни. Пускал первую домну. Семь лет назад пошел на пенсию, но вернулся на комбинат. Я встретил его около домны. Прищурившись, в синий глазок он разглядывал плавку. Был какой-то трудный момент – с десятков почтенных людей ждали: что же скажет Шатилин?..

«Обер-мастер, – шепнул мне молодой доменщик, – таких в стране – всего сорок девять. Он может даже министру звонить...»

Вечером мы сидим с обер-мастером за чайным столом. Понемногу не шибко словоохотливый мастер «разогревается». Я узнаю, как пускали первую домну, как пускали вторую домну, как пускали вторую «комсомольскую печь». Как возил мастер эшелон первого чугуна в Москву на завод «Серп и молот». Были у доменщика разговоры с людьми государственными. Около домны встречался с Орджоникидзе, а совсем недавно – с Косыгиным. С деревней до сих пор не потерял связь. Все годы помогает: одним, пока учатся, другому, потому что здоровьем слаб. Получает из села трогательные посылки: сало и деревенские пышки.

Все десять домен при нем строили. Он делал первые плавки, «обживал» эти печи размером с многоэтажный дом.

– Характер? А как же – у каждой свой. И капризы, и все такое. Почти как человек.

Спрашиваю: есть ли из десяти любимая?..

С улыбкой думает...

– Записывай: Шестая. Первую плавку делал на ней в войну с мальчишками-ремесленниками. На ней же горел... Как горел? Ну, металлом брызнуло, пришлось в больницу определиться... На Шестой первый орден Ленина получил. И на ней же мы одно новое дело придумали – присудили лауреата. Мать, принеси-ка пиджак!

На спинку стула повешен пиджак. Лауреатский значок, три ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета»...

На бумажке подсчитываем, сколько всего чугуна сварил мастер за тридцать лет тут, на Магнитке. Получается: двенадцать с половиной миллионов тонн...

Мой третий земляк Константин Хабаров живет в этом же доме, этажом выше главного мастера. У Хабарова тоже звание: обер-мастер – два таких звания на Магнитке. А начинал он с Шатилиным на той самой Шестой печи в сорок третьем году. В пятнадцать лет у этой печи получил орден Трудового Красного Знамени. Все искусство Шатилина многие годы

было у него на глазах. А что работа у домны – искусство, то тут спорить не следует. У печи сегодня десятки сложных приборов, и все-таки обязательно человеческий глаз через синее стеклышко должен угадывать, что происходит в этой махине.

Хабарова Магнитка посылала строить и пускать домны в индийском Бхилаи. Построили, сдали в работу. А два года назад 9 февраля мастера Константина Хабарова срочно позвали в Москву: «Немедленно самолетом – в Индию». В Бхилаи индийские доменщики что-то недоглядели, и в одной из печей образовался «козел» – беда, хуже придумать нельзя. Столб чугуна поперечником более восьми метров застыл. Ситуация: домну надо ломать и заново строить. В газетах шум – остановилось огромное производство. Завтра проблема будет обсуждаться в парламенте. И тут прибывают на помощь четверо доменщиков. Двор залит чугуном, хаос, неразбериха. Непросто было даже узнать, в чем дело. За сутки был поставлен «диагноз», и директор комбината Инжиндру Синху твердо сказали: «Сегодня 12 число... 20 февраля домна будет работать». Бородатый директор удивленно пожал плечами: «Даже график... Как можно шутить...» Двести часов внутри печи непрерывно шла невидимая работа, оценить которую по-настоящему могут только доменщики. Сначала по крупинке, потом кубометрами с помощью кислорода «выскребали» чугун. Константин Хабаров не спал подряд четверо суток. 20 февраля печь дала новую плавку.

«Нам предложили огромные деньги. Отказались: за помощь не берем денег. Повезли нас показать Индию. Месяц путешествия. Побывали на заводах, построенных немцами и англичанами. Радостно было видеть: наши домны в Бхилаи – лучше. И встречали нас немцы и англичане как больших мастеров: «Вы с Магнитки?!» Приятно было отвечать англичанину, который глядит на тебя с уважением: «Да, мы с Магнитки».

Я назвал только троих с Магнитки – своих земляков. А ведь у многих из нас есть земляки на Магнитке. Всем миром строили. Хорошо строили. Недаром слово «Магнитка» означает для нас гораздо больше, чем просто железо и сталь. Да и «кузниц» у нас прибавилось: «Липецкая Магнитка», «Череповецкая Магнитка», «Казахстанская Магнитка»... Трудно начинать было.

Снимок сделан с помощью военных летчиков. Командир вертолета – Евгений Бельский.

Фото автора и из архива В. Пескова. 22 февраля 1967 г.

Стоит поразмышлять...

Так выглядят сверху комбайны, если их оставили зимовать без крыши. Выше колес занесены снегом. Ясно, что снег нашел лазейки и в нутро каждой машины. Честное слово, так жалко их, будто это живые существа застыли в сугробах. При такой жизни срок службы комбайнов очень недлинный; даже простую лопату бросить на зиму под снегом – и то недолго послужит. Тут же сложная, дорогая машина.

Что же, надо звать кого-то к ответу?.. Не будем спешить называть конкретного Ивана Ивановича. Мы его просто не знаем. Мы не знаем даже, что за хозяйство: совхоз, колхоз? Снимок сделан с вертолета на пути из Челябинска в Магнитогорск. Мы надеемся: конкретный Иван Иванович, взглянув на снимок, сам отзовется и расскажет, какая нужда заставляет вот так хранить дорогие машины. Есть надежда, что отзовется не только «Иван Иванович». В чем дело, почему дорогая техника зимует у нас под сугробами? Подобные снимки можно ведь сделать и в Смоленской, Черниговской, Воронежской, Рязанской, Пензенской и других областях. Что за причина? Лесу у нас не хватает построить навес? Плотники перевелись на Руси? По бедности не можем строить? Вряд ли. Простой подсчет показывает: навес построить дешевле, чем губить и снова покупать дорогие машины. А может, нет? Может, и есть хозяйская выгода с техникой именно так обращаться? Может, машинам зима вовсе и нипочем и беспокойство это – наивное и ненужное?

Хотелось бы знать мнение колхозных председателей, механиков, комбайнеров. Может быть, откликнутся из Министерства сельского хозяйства? Так ли, как надо, мы берегаем машины?

Фото автора. 26 февраля 1967 г.

Мгновение

Мы привыкли к фотографии и не принимаем ее как чудо. А ведь чудо подлинное. Ну разве не удивительно: еще не побывав на Луне, мы уже знаем, как выглядят лунные камни! Разве не чудо: сидя в зрительном зале, мы путешествуем в джунглях. Или простой случай: фотограф, вернувшись из подмосковного леса, рассказывает историю, которую встречают не очень доверчиво. «А вот смотрите...» – И показывает снимок...

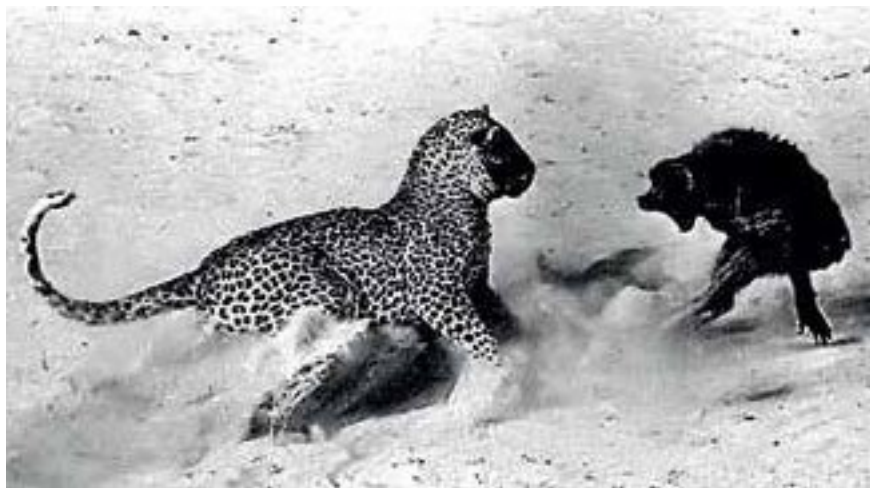
Природа неисчерпаема на загадки и удивительные явления. Тысячи разных случаев, приключений, ошеломляющих неожиданностей и примеров красоты встречаются нам в природе. Слова часто не могут передать увиденное глазами. «Эх, если бы снимок...» Но фотографический аппарат мы часто по лености оставляем висеть на гвозде или чаще всего не бываем готовы к мгновенной съемке.

Был у меня поучительный случай. На реке Воронеж ловили с приятелем рыбу. Каждое утро вместе с удочками я клал в лодку фотографический аппарат. Стояла погожая осень, в лесу ревели олени, а я тайно надеялся: выйдут на берег... Но олени на берег не выходили. Возвращаясь в деревню, я уносил из лодки облепленный чешуей футляр с фотографическим аппаратом. Он начал надоедать мне – ничего интересного на реке не встречалось. Но однажды в туманной, поросшей ольхами низине мы услышали залиvistый лай. Кого-то гнала собака. Чувствуем: зверя гонит. Забыли о поплавках. Слушаем: ближе, ближе... И вот на другом берегу, как раз против лодки, выбегают из чащи олени: рогатый самец и самка. С минутку поколебались, но, услышав собаку, кинулись в воду. Плынут прямо на нас. Розовый от восхода плес. В нем медленно движется рогатая голова. Тишина, только рыбы круги и от плывущих – большие стеклянные волны... Мы сидели до крайности огорченные – корма, где обычно лежал аппарат, на этот раз была пустой...

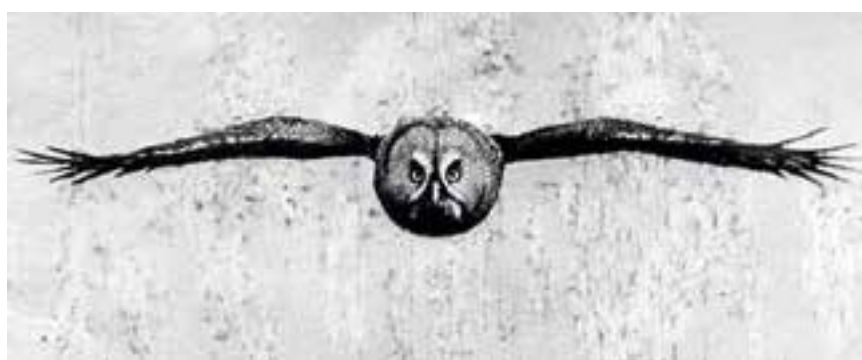
Такой же случай, если я даже очень его искал бы, вряд ли повторится. Но ведь кто-то может увидеть такое. Возможность делать редкие снимки очень большая, поскольку число людей с фотоаппаратами у нас сейчас огромное – несколько миллионов.

В папке у меня есть несколько фотографических удач высшего класса. Снимки эти, сделанные в разных частях земли, обошли многие издания мира. Европейские журналы заплатили фотографам большие деньги. И снимки стоят этого.

Вот посмотрите: леопард настиг обезьяну. Все. Последнее мгновение жизни. А как не хочется живому существу умирать! Последняя защита: крик ужаса. Даже хищник на мгновение оторопел от крика... Никакие слова не расскажут об этой драме лучше, чем снимок.

Столь же драматична другая сцена борьбы за жизнь: кошка во время пожара прыгает с крыши, прижав к телу котенка. Трудно поверить словам даже самого добросовестного рассказчика. А снимок свидетельствует: так было.

На третьей фотографии – летящая сова. Шведский натуралист Хилдинг потратил два года на поиски этого момента.

Все это – убедительные свидетельства: фотографический аппарат надо всегда держать наготове. Мы в редакции, разглядывая снимки, подумали: стоит, пожалуй, завести рубрику «Остановись, мгновение!». Давайте договоримся: будет что интересное – шлите. Но только самое интересное.

Фото из архива автора. 7 марта 1967 г.

Мосты

Широка страна моя...

Редкая дорога обходится без мостов. И в памяти остается скрип бревен или гул железных пролетов. Сколько мостов ни пройдешь, ни проедешь, и все равно, как в первый раз, волнует тебя скрип проселочного моста и железный гул перехода через большую реку.

Из всех человеческих построек мосты самые поэтичные. Я размышлял: отчего это? Наверное, оттого, что стоят они над водой, оттого, что это – средство перешагнуть препятствие, оттого, что мост – это часть дороги, а дорога, движение всегда волнуют и радуют. Наконец, мосты соединяют людей...

Маленькая речка, а мост все равно нужен.

Мосты были одними из самых первых земных построек. Один раз перейдя воду по упавшему дереву, человек смекнул, наверное: дерево можно и самому повалить. Потом кому-то из пещерных изобретателей пришло в голову приладить к дереву лыком перильца. Сегодня мосты поражают воображение. В Америке мост через озеро Поншатрен тянется на тридцать восемь километров. Другой мост висит на канатах толщиной в метр. Он так велик, что красят его непрерывно. Дошли маляры до конца, и надо уже возвращаться к началу.

Одним из самых красивых мостов на земле считается Сиднейский мост. Я видел его и сверху и ходил по нему. Красота эта стоит немалых денег. По сложному расчету сиднейцы будут платить за мост английской компании до тех пор, пока мост будет стоять. Проезд по мосту не бесплатный... У нас самым красивым знатоки называют днепровский мост возле города Запорожье. Одним прыжком, одной только дугой мост преодолел реку. Кажется, это самая крупная арка в мире...

Строительство моста – дело всегда недешевое и хлопотное. Стройка тянется иногда многие годы. Но, если надо, строят и очень быстро. Один из мостов через Днепр во время нашего наступления в 1943 году был построен в тринадцать дней...

Мост через Волгу около Ярославля.

История знает много славных инженеров-мостовиков, авторов дерзких проектов. Строителя мостов возьмут на любую стройку. «Мостовик» – это высшая аттестация, и не только там, где строят из камня, бетона и стали. Кое-кто видел, наверное, фильм о пигмеях бамбути. Помните, как строят мост через реку Итури? Самого смелого привязывают в люльке к лиане, оттягивают лиану и отпускают. Смелчак птицей по дуге проносится над рекой, успевает крюком схватиться за ветку дерева на другом берегу. Лиана остается висеть над водой. К ней крепятся новые гибкие ветви. Так африканцы строят висячий мост...

Сколько всего мостов на земле? Вряд ли можно их сосчитать. Висячие, понтонные, каменные, бревенчатые, бамбуковые, металлические, бетонные, подъемные и разводные, виадуки и акведуки... Только в одном Ленинграде – триста семьдесят шесть мостов. А возмись проехать по нашей земле с Запада до Амура, сколько раз рельсы пробегут над водой! А сколько мостов и мостков над мелкими речками и оврагами, над заливами, низинами и ручьями. С давним и заслуженным строителем Г. И. Зингоренко мы пытались сосчитать мосты через Волгу. Насчитали семнадцать и сбились – мостов через Волгу больше. Но первенство по мостам, кажется, держит Днепр. И есть река, которую не перешагнул еще ни один мост, – река Лена. Переправа только по льду, а летом – паром.

Зингоренко строит мосты сорок пять лет. Сколько всего построил, не помнит. Но несколько «своих» мостов он не может забыть. Например, мост через Дон под Воронежем. Строил его Зингоренко в 30-м году. А через двенадцать лет, в 42-м, инженер получает задание: «Взорвать ввиду приближения противника». «Саперов не было. Вдвоем с напарником ночью несли взрывчатку в мешках. Привязали мешки посередине пролетов... Над горизонтом стояло зарево, и мост мне показался в ту ночь очень красивым. Я глядел на часы и считал: вот сейчас, сейчас догорит шнур... А в 43-м мне же пришлось восстанавливать этот мост...» Такова участь мостов. В войну возле мостов больше всего падало бомб. Кто из переживших войну не вздохнет, вспомнив переправу, когда вода поднималась столбами справа и слева, и была вода мутной от крови. Военная хитрость заставляла прятать мосты под воду. Машины шли по такой переправе, утопая в воде колесами.

Мосты всегда разделяют судьбу народа. Переправу не оставляют врагу. А когда врага изгоняют, мосты поднимают в первую очередь...

В последние годы у нас построены десятки новых больших мостов. Через Волгу – возле Саратова, через Волгу – у Ярославля, через Днепр – у Киева, через Оку, Двину, Неву, Иртыш... Построили самый северный из наших мостов – у Норильска. Много мостов воз-

ведено по линии железной дороги Тайшет – Абакан. Большая часть из многих новых мостов – бетонные, автодорожные. Это показатель быстрого роста в стране автомобильных путей...

Мосты, как люди, имеют возраст и не живут бесконечно. Железобетонные – долговечны. Железным отпущено в среднем сто лет. Сто лет – и надо менять. На Дальнем Востоке, возле Хабаровска, стоит один из мостов-ветеранов. Кто проезжал на поезде через Амур, помнит долгий тревожный гул, самый долгий за всю дорогу с запада на восток. Амурский мост – самый длинный из наших мостов. Четыре километра узорной стали соединяют амурские берега...

И большие мосты, и маленькие в два бревна, с березовым перильцем, – одинаково дороги нам, потому что мосты соединяют людей.

Снимок моста через Волгу сделан с помощью «Аэрофлота». Пилот – Станислав Ретин.

Фото автора. 10 марта 1967 г.

Воронежский лес

Широка страна моя...

Одно из ярких воспоминаний детства: вечер, на полу в сенцах стоят два лукошка и деревянное корыто с водой, я помогаю матери перебирать грибы. Грибы прикрыты лопухами и увядшими ветками. В сенцах стоят незнакомые, непривычные запахи. Мытье грибов сопровождается разговором о каких-то известных матери и бабушке полянах, о кордонах Ракитном и Маклоке, о просеках, об ольховом болоте, о теленке, который до смерти напугал грибников... В соседской избе висела засиженная мухами картинка: «Царевич на сером волке». По этой картинке я представлял себе место, из которого отец привозил на лошади пахучие осиновые дрова, а мать приносила бидончик ягод, а осенью – корзины грибов и колючую, отливавшую синеву траву. Траву полагалось вешать над дверью и ставить в угол за образа – от домового. Изба у нас была маленькая, домовому спрятаться негде, но я не сомневался, что он существует...

Мир расширялся. И скоро единственным местом, где еще мог жить домовый, оставался лес, таинственно синевший за нашим селом и полем.

Наступил день (я помню его до самых малых подробностей), отец разбудил: «Ну, хочешь – возьму в лес?». ... Помню колею, доверху забитую сырыми мягкими листьями. Дубы, точь-в-точь, как на картинке, тянули черные узловатые руки. Свистела незнакомая птица. Отец размял в пальцах и дал понюхать какую-то лекарством пахнувшую траву. Кто-то зашелестел в кустах, засвистел, зацокал... Мы рубили орешник и искали рогатку на грабли. Отцу, видно, были приятны поиски. Рогаток попадалось немало, но он говорил: «Не то». Вместе со мной отец садился под куст искать в опавших листьях орехи...

Домой возвращались вечером. Я снял сандалии. Степная дорога к дому была гладкой и теплой. В пшеничном жнивье стрекотали кузнечики. Я оглядывался и спрашивал:

– Ну, лес... А там за лесом?..

– Опять лес...

Весь мир с того дня был сплошным лесом, и все самое интересное было в лесу...

Бобр.

Война в неделю унесла детство. Нужны были дрова. Я уже без отца стал ходить в бор. Пять километров степью и пять километров лесом (пока отыщешь сухую валежину). А к вечеру той же дорогой – домой. На плече жердина или вязанка дубовых сучьев. Десять километров. Бросишь на дворе ношу – к плечам притронуться больно. Теперь ежедневное путешествие за дровами показалось бы каторгой, а тогда – ничего. Теперь, издалека, понимаешь, почему тяжкая, недетская работа нам, деревенским мальчишкам, казалась радостью. Лес! Ягоды, птичьи гнезда, грибы, распутывание лесных дорожек, поиски «землянки разбойников», сидение с прутиком около муравейников, погоня за барсуком... Память мудро устроена. Я не помню сейчас, как больно было плечам, но где-то в самом надежном месте память хранит радость, рожденную лесной беготней...

Лесов под Воронежем не так уж много. Бунин называл эти места подстепьем. Равнина, и на ней, если бы глянуть с большой высоты, – острова леса. Большие и малые. Совсем малые – в полдня перейдешь. И большие – Усманский бор, например, пятиверстовый краешек которого я и узнал в детстве. Наверно, вы слыхали и такие известные всему миру названия: Шипов лес, Таллермановский лес. Большие зеленые острова. И тут же, в подстепье, множество мелких лесков: по балкам, над речками, у оврагов. Цена этим лескам особая. Лес в степи не то же, что сплошной лес где-нибудь в ярославской земле. Островок деревьев в степи – это островок радости. Это и прохлада, и загородка от суховея, и защита земли от разьедания оврагом, и хранилище питьевых вод, озер и маленьких речек.

В древности в этих местах проходила сторожевая линия русского государства. Леса вставали на пути половцев, нагайских и крымских татар. На лесных дорогах в приближении врага делали «засеки» – валили деревья вершинами к неприятелю, и конница кочевников увязала в лесах.

В более позднюю пору воронежский лес сыграл для русского государства особую роль. Царь Петр, замысливший обзавестись флотом, искал подходящее место начать строительство. Много лесов было осмотрено. Но только тут, под Воронежем, царь увидел то, что искал. Вековой необхватный и стройный дуб, корабельные сосны, полноводные реки, бегущие к Дону. «Сие место красно есть!» «Золотой куст российского государства!» Царь был восторженным и хозяйственным человеком. Воронежские леса он объявил корабельными. Смертная казнь полагалась за самовольную рубку. Царским указом был отменен даже обычай хоронить в дубовых гробах. Лес – только на корабли! Звенели пилы, стучали топоры под Воронежем, на лесных вырубках жгли уголь и курили смолу, в сотнях кузниц ковали гвозди и якоря... И корабли пошли вниз по Воронежу и по Дону к Азову. Сегодня о тех временах напоминают названия воронежских сел: Угльянец (жгли уголь для кузниц), Парусное, Гвоздовка, Клеповка. В самом Воронеже царю-работяге поставлен памятник. А в лесах нет-нет, да и встретишь дубы, которые еще помнят рождение деревянного русского флота.

Леса воронежские не один раз служили российскому государству. Доходом с продажи леса латались дыры в казне. Доходы были немалые, если, по утверждению лесоводов, некоторые породы дуба шли за границей по весовой цене шоколада.

Кабаны.

В первые пятилетки воронежский лес приносил золото, нужное для покупки машин. Шпалами лег по железной дороге из Донбасса в Москву. На каждый километр пути лес отдавал пятьсот – восемьсот зрелых сосен. На поворотном рубеже государства, так же как в петровскую пору, лес отдал людям все, что накопил за долгие годы роста.

Есть высокий смысл особо беречь эти дубравы в подстепье, стоящие на пути суховея, берегущие воду и землю от разрушения. И только годом самой крутой нужды можно оправдать звон топора в золотом кусте государства.

В Усманском бору, над рекой Воронеж, стоит красный кирпичный замок. До революции тут поселилась жить принцесса Ольденбургская. Принцесса любила охоту, и кое-кто из стариков помнит еще знаменитые в этих местах облавы. Из германских лесов принцесса привезла под Воронеж благородных оленей. Заезжие знатные гости любовались необычным лесным зоопарком. А когда в революцию принцесса скрылась из замка, местные лесники стали думать: что же делать с оленями? Отворили ворота и пугнули оленей в чащу. Лес был велик, чтобы надежно укрыть полтора десятка зверей. Лет через пять стало видно: стадо оленей не только выжило, но заметно умножилось.

Тут же в бору, на речках Ивнице и Усманке, каким-то чудом уцелели истребленные повсеместно бобры. Усманский лес, населенный оленями и бобрами, решено было объявить заповедником.

Если теперь летом на лодке вы бы двинулись по болотистой Усманке, то непременно увидели бы срубленные бобрами осины, увидели бы плотины на лесных ручьях, впадающих в Усманку, и хатки, сработанные странными пугливыми существами.

Оленя чаще всего увидишь весной, когда лес еще сквозит и звери, истощенные зимней бескормицей, собираются на больших теплых полянах. Но лучшее время – осень. По всему бору стон стоит от оленьего рева. Если идти осторожно, можно услышать сухой стук рогов. Можно даже увидеть противников с налитыми кровью глазами, с морозным паром из раздутых ноздрей и тут же невдалеке – пугливый косячок самок, поджидающих победителя. В лесу в это время пахнет мускусом, опавшими листьями, подмороженной помятой крапивой. Но главное, что остается в памяти, – олений рев. Со всех сторон – могучие трубные звуки...

Лоси.

Уже после войны объявились в бору нежданные гости. С севера в воронежские леса пришли лоси, с юга неизвестно какими путями пришли кабаны. Сегодня на лесной просеке совсем нередкое дело встретить рогатого великана, неохотно уступающего дорогу твоей лошади. И тут же с боку просеки увидишь как будто плугом изрытое место – кабаны!

Бобры, олени и кабаны в лесах расплодились таким числом, что появилась возможность ловить и отправлять их в другие места. Нынешней зимой ловили и отправляли оленей и кабанов. А бобры уже давно живут на многих российских речках, в Сибири, в Карелии, Белоруссии, на Украине, в Польше, Германии, Чехословакии... Многотысячный бобровый род пошел по Европе с болотистой воронежской речки...

Конечно, рядом с большим и заметным зверем живут в заповедном лесу и барсуки, еноты, зайцы, лисицы, белки, великое число птицы и разной другой мелкоты. От обилия жизни воронежский лес кажется веселым, звонким и радостным царством.

Дорожка кончается у копны сена...

В детстве я знал Усманский бор не глубже пяти километров от края. Потом с рюкзаком пересек бор от южной опушки до северной за неделю. Пять дней назад на вертолете мы в три часа облетели лесные кварталы.

Нынешняя зима – великое бедствие для лесных обитателей. Снег выше пояса, морозы. Корм не достанешь. И каждый шаг по снегу мучительно труден. Олени сбились в стада – так легче друг за дружкой по узкой тропе идти на поиски корма. И все олени тропы в этом году ведут к человеку.

Вот дорожка идет прямо к лесному кордону и кончается у съеденной копны сена. Вот тропы узлом собираются на поляне. Там стоит трактор. Двое рабочих валят в кучу свекольный жом. Нам сверху хорошо видно: десятка четыре оленей ждут, когда трактор уйдет, чтобы кинуться на поляну. В другом месте лошадь с возком, а впереди по расчищенной просеке рысью бежит стайка оленей, спешит к месту, где свалят солому. Вот цепочка оленей. Бредут в гущине леса один за другим. Этим еще предстоит обнаружить подкормку. Один упал на тропе. Его обходят. Упавший услышал вертолет, пытается встать на передние ноги, но роняет голову. Попадаются уже занесенные снегом... Вон возле падшего пирует кабан... О, их тут целое стадо! Испугались шума, галопом несутся в убежище – в густые заросли тальников... А вон вместе кормятся на дороге: кабанье стадо и стадо оленей. По лесной иерархии кабанам полагается у стола первое место. Олени терпеливо ждут в стороне. Шутки с кабанями плохие. Обессиленный тут же будет разорван.

Кабаны, однако, бедствуют больше оленей и не щадят даже собратьев, упавших на лесных тропах. Проходя на лыжах по заповеднику, я выпугнул из кучи соломы отощавшего зверя. Он не бежал, а шел впереди меня, покачиваясь, как пьяный, – бока плоски, шерсть дыбом, и только два желтых клыка напоминали: тот самый вепрь, держаться надо подальше...

Пожалуй, только лоси без потерь перенесли зиму. С вертолета мы видели трех великанов, спокойно объедавших тальники в пойме. Оленей же и кабанов пало большое число. Для поддержания жизни в лесу люди сделали все, что могли. Но в эту зиму особенно стало ясно: лес может прокормить не бесчисленное число едоков. Всему должна быть разумная мера: и оленьему стаду, и числу кабанов и лосей. Только тогда и дороги для этих краев леса будут развиваться нормально, и звери найдут в лесу все, что им надо для жизни.

Сверху в первый раз я увидел и речку своего детства. Маленькая речка просыпалась под снегом в лесу. Я глядел вниз и кричал на ухо спутникам в вертолете: «Кордон Веневитинский! Вон место, где ловилась плотва!». «А тут мы тушили пожар... Пожар лесной тушили!» Сосед в вертолете понимающе улыбался...

Все мы вышли из нашего детства, и встреча с родными местами – всегда большой праздник.

Снимок оленей сделан с помощью военных летчиков. Пилот вертолета – Александр Мамаев.

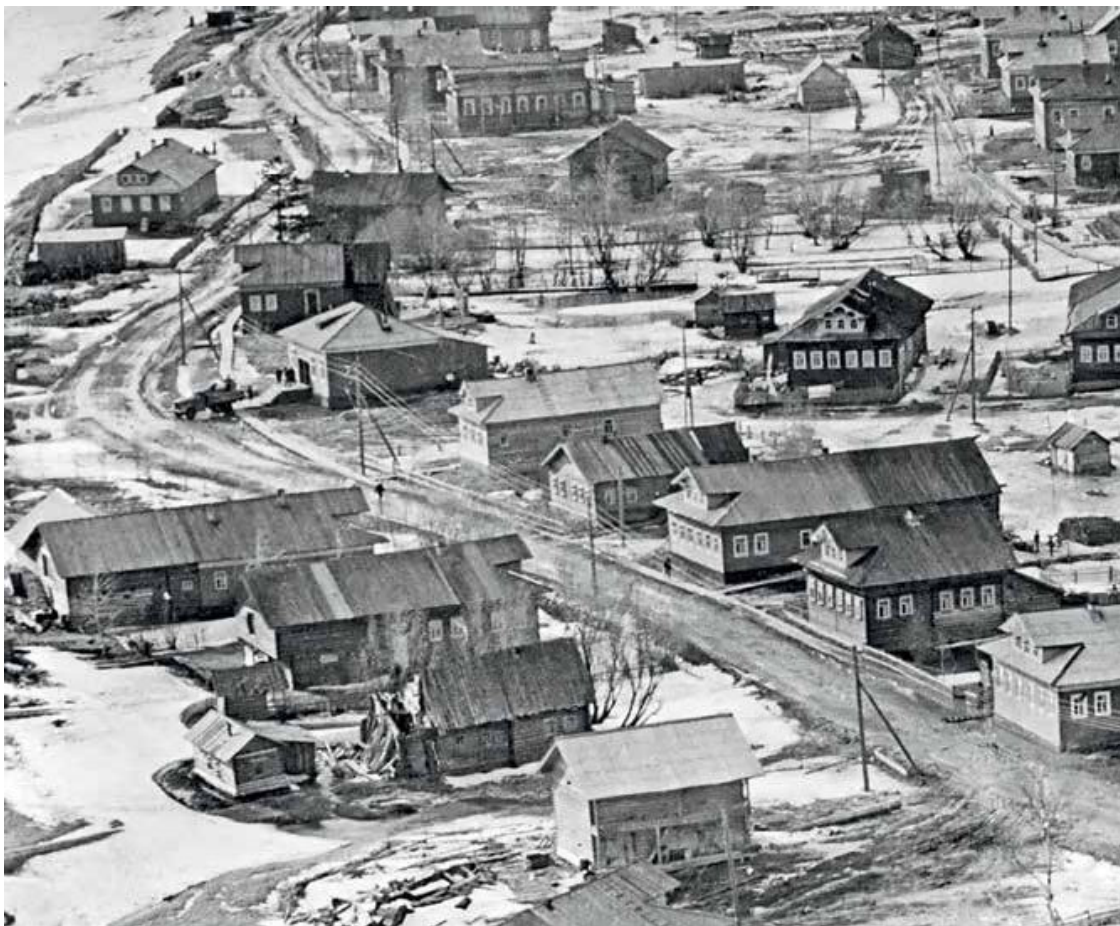
Фото автора. 23 марта 1967 г.

Деревня российского академика

Широка страна моя...

Одна из бесчисленных деревень. Не лучше и не хуже других. В разговоре о наших просторах можно было бы рассказать о ней просто как о деревне, одной из тысячи тысяч. Но выбор наш не случайный, в этой деревне родился Михаил Васильевич Ломоносов.

Не ищите на фотографии старый дом. Время не пощадило ничего, кроме маленького пруда, вырытого его отцом. В пруду семья Ломоносовых держала к столу карасей. Вон там, у дороги, темнеет елка, как раз против нее и находится этот пруд, поросший лозинками. За прудом справа – домик-музей. Он построен как раз на том месте, где когда-то стояла изба Ломоносовых. Слева – в верхнем левом углу белеет Двина, вернее, один из многих ее рукавов, называемый тут Курополка. По реке вниз уходили когда-то на промысел зверобой. По реке мимо этой деревни не один раз проплывал Петр I. Завидев его в этом месте, соседнее село Холмогоры било в колокола и палило из пушек. И совсем недавняя история: рядом с деревней находилась площадка, с которой в 37-м году поднимались самолеты и увозили на полюс папанинцев.

Деревня, где родился Михаил Ломоносов.

Деревню называли Денисовкой. По заблуждению же многие из нас родиной Ломоносова считают село Холмогоры. Холмогоры стоят через реку, в трех километрах. Заблуждение проистекает из того, что Денисовка в древности не была известной. Холмогоры же старше Москвы и были известны по всей России как самый крупный северный город, принимавший

заморские корабли, а из глубин российских встречавший корабли с медом, льном, воском, мехами и хлебом.

Для полной точности надо сказать: совсем недавно установлено – Ломоносов родился в деревне Мишанинской. Это известие взволновало и огорчило денисовцев. Но страсти улеглись, когда докопались в истории. Оказалось, деревни давным-давно слились в одну, и название «Мишанинская» перестало существовать. Не существует сегодня и названия «Денисовка». Деревня именуется Ломоносово.

В музее хранится макет старой Денисовки: несколько домиков, засыпанных снегом, дорога. По дороге с рыбным обозом ушел в Москву юноша Ломоносов. Он ни разу потом не был в родной деревне. И вернулся сюда недавно бронзовым памятником. Скульптору удалась фигура мужика, ставшего первым академиком России. Бронзовый Ломоносов сидит на камне перед входом в деревенскую школу. В его времена школы в Денисовке не было. И четыре недели надо было идти пешком до Москвы. Сегодня, кончая школу, деревенский парень может в тот же день оказаться в Москве. Всего три часа самолетом...

Ломоносов... При этом слове мы сразу же вспоминаем человека в белом завитом парике, румяного и полнолицего. Мы так привыкли к этому образу, что иного Ломоносова не представляем. А ведь был и без парика Ломоносов. В маленьком деревенском музее дольше всего стоишь именно перед этим портретом Ломоносова без парика. Большелобый лысеющий человек. В этом лице легче разглядеть русского парня, выраставшего на краю деревянной России. Деревянные избы. Деревянные прялки, посуда, лодки. Рыбачьи сети, светец для лучины... В окошко музея видны берег реки, поросший красным ивовым хворостом, оттаявший косогор и посиневший лед на реке. И не так уж много надо воображения, чтобы представить себе идущего с веслом парня по имени Михайло... И, конечно, вот этот Ломоносов без парика писал о начале своей дороги в Москве: «Несказанная бедность... В день на денежку хлеба и на денежку квасу... Школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: «Смотрите-де, какой болван, лет в двадцать пришел латыни учиться».

Так начинался первый наш академик. В деревенском музее любовно собраны свидетельства всех деяний великого земляка. Сегодня даже просто перечислить все сделанное великим человеком представляет немалую трудность. Он был первым нашим поэтом и первым физиком. Он был великим знатоком русского языка, в основе нынешней нашей грамматики лежит «Грамматика» Ломоносова. Он был химиком, астрономом, механиком и художником. Ему принадлежат большие труды по здравоохранению, географии, минералогии, картографии и философии. Книга Ломоносова «Древняя российская история» была первым печатным трудом по русской истории и первым учебником. Он первый указал на возможность пройти на Восток северными морями. Во время наблюдения за Венерой он предположил существование на ней атмосферы... Если искать сравнения, то место «архангельскому мужику» – в ряду титанов эпохи Возрождения. Тот же неукротимый характер и страсть к познанию, та же разносторонность, та же ученость.

Есть у Ломоносова еще три достоинства, особенно близкие сердцу русского человека. Ломоносов был верным и преданным сыном России. И был он высоким гражданином Отечества. «Умел за себя постоять и не дорожить покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он... Шувалову, председателю муз, высокому своему патрону, который вздумал было над ним шутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога, дураком быть не хочу». Эти строчки мы находим у Пушкина, который высоко чтит Ломоносова и которому, кстати, принадлежит крылатое слово: «Он был первым нашим университетом».

И особая наша гордость: «Университет» начинался в мужицкой избе. Наукой давно взвешена значимость свершенного Ломоносовым. Не каждый из нас посвящен в подробно-

сти его трудов. Но каждому со школьных уроков известен великий путь от деревенской избы к высотам науки, поэзии и гражданственности. Во все времена выбирая дороги, люди оглядываются, ищут примера. Большое дело – оглянувшись, увидеть фигуру великого россиянина.

В нынешней деревне на берегу Курополки напрасно искать следы времен Ломоносова. Может быть, только старая кирпичная церковь и древняя вода в пруду помнят, каким вырос-тал сын у зверобоя и рыболова Василия Ломоносова. Деревня совсем не похожа на пять занесенных снегами домиков, которые видишь в музее. Над домами, как и везде, – антенны телевизоров. Раскисшую от весеннего солнца дорогу то и дело приходится уступать то трактору «Беларусь», то «газику». Девчонку, как в городе, увидишь в узких «брючатах». Каких-нибудь старых обычаев я не заметил. И только если идти не спеша по скрипящему деревянному тротуарчику по улице вдоль реки, замечаешь лодки на берегу, рубленые закоптелые баньки, поленницы наколотых дров, плетенные из хвороста рыболовные снасти, резные наличники, предполагаешь: таким это могло быть и при нем.

В деревне сейчас сто четыре двора. Девяносто жилых домов. Остальное: почта, маслозавод, интернет, библиотека, столовая, магазин, фабрика.

Я зашел на фабрику. Обычный, чуть выше остальных дом. Жужжат «бормашины». Десятка два людей резали из кости фигурки зверей, шкатулки, корабли. Славное и очень древнее деревенское ремесло. В России сохранились, кажется, только две такие мастерские. В Тобольске и тут, в Ломоносове. Маленькая справка о ломоносовских косторезах. Тут начал свой путь знаменитый российский скульптор Федот Шубин. Изделиями косторезов гордятся многие большие музеи. На днях в Монреаль отправлена большая партия новых работ. Изящные изделия имеют хороший спрос, но славному промыслу, кажется, грозит оскудение – моржовой кости почти не стало, бивни мамонта попадаются редко, приходится покупать слоновую кость за границей, а это не то же самое, что иметь свое сырье под рукой. А было бы жалко утратить идущее из веков мастерство...

В мастерской работает примерно треть взрослых жителей Ломоносова. Остальные – в колхозе. Знаменитая порода коров «холмогорка» выведена в этих местах. Я спросил у председателя, как доятся «холмогорки» на своей родине. Оказалось: порода породой, а молоко все-таки у коровы на языке. Колхоз в здешних местах именуется средним, хотя его покупкам последних лет можно и позавидовать: четырнадцать тракторов, пять автомобилей, три комбайна...

Главная забота у председателя – люди.

– После окончания школы все норовят в город. Есть пример – Ломоносов, попробуй держать, – улыбается председатель. – Есть кандидаты наук, преподаватели, медики...

Трудная задача у председателя. С одной стороны, и похвалиться не грех: вот, мол, наши куда пошли... А с другой стороны – хозяйство. Благополучие деревни зависит от тех, кто мимо памятника ходит сегодня в школу...

А есть ли сегодня в деревне фамилия Ломоносов? Оказалось, нет. И не было с тех пор, как ушел в Москву Михаил и умер его отец Василий Дорофеевич. А чтят ли память? Чтят. Колхоз называется именем Ломоносова, школа имени Ломоносова. Портрет земляка в белом завитом парике висит в правлении рядом с портретом Ленина. Мальчишки, с которыми я познакомился около школы, очень толково и не без гордости рассказали гостю о земляке.

Где-то в какой-то российской деревне растет сегодня пока еще неведомый никому Ломоносов.

Потомок Ломоносова Лопаткин Дмитрий Михайлович. Самое дорогое, что осталось у старика, – медаль с изображением предка.

Подсчитано: в разных местах живет более сотни дальних родственников Ломоносова. В самой деревне живет только один из них: Лопатин Дмитрий Михайлович. Мне о нем рассказали еще в Архангельске: «Обязательно попроси показать медаль, она у него всегда в кармане». Старик без года девяносто. Белобородый. Моргает слезящимися глазами и сразу же после двух слов знакомства лезет в карман.

– Медаль, дедушка?

– Медаль! – радостно сообщает старик. – Я родня ему...

Старик долго служил почтальоном. В 61-м году, когда справляли юбилей Ломоносова, ему определили пенсию и в связи с родством подарили юбилейную медаль с изображением предка. Медаль, кажется, продлила старику жизнь. Счастлив. С удовольствием сидит в президиумах, ходит на пионерские сборы...

Я уезжал из деревни по весенней распутице. В этом году необычно рано пришла весна на Двину. На ветках сидели скворцы. На проталине молодые земляки Ломоносова гоняли футбольный мяч. Я сделал порядочно снимков в деревне. Уже в редакции разложив их, выбрал вот этот. Над рекой возле лодок стоит мальчишка. Стоит и глядит туда, где с горизонтом сливаются красные прибрежные ивняки. Я подумал: может быть, вот так же и даже на этом месте стоял и Михаил Ломоносов. И подумал еще: сколько у нас деревень и сколько растет мальчишек. И среди мальчишек есть где-то, растет пока еще неведомый никому Ломоносов.

Снимок деревни с воздуха сделан с помощью летчиков «Аэрофлота». Командир вертолета – Валерий Гонко.

Фото автора. 6 апреля 1967 г.

Березовый сок

В полях уже черным-черно. Я подумал: и в лесу уже можно ходить. Но ошибся. Лес еще забит снегом. Снег рыхлый, в черных соринках, свищах. Ноги не держит, и следы сейчас же наполняются темной водой. Решимости пройти по своей зимней лыжне хватило на сотню шагов. Верхушка у снежных пластов уже съедена солнцем и весенним туманом. Все, что за долгую зиму увязало в снегу, лежит снаружи. Кольцо от палки, чья-то варежка, растрепанное мышинное гнездо... Тяжело идти. Стараясь попадать в свои же следы, возвращаюсь к дороге. Дорога сухая и звенит под колесами. От машинного тепла придорожная полоса леса уже без снега – лужи и струйки пара между березами. Подсыхают припечатанные к земле снегами прошлогодние листья. Почти сплошь проталины покрыты рыхлыми бугорками перемолотой кротами земли. И уже кое-где на самых теплых местах пробились сквозь листья зеленые гвоздики первой травы.

Пробуждение.

В гуле машин на дороге я вдруг услышал песню. Зеленый фургон катил по асфальту, и песню не очень умело, но громко и радостно пел шофер. Милиционеры не любят поющих шоферов... Так и есть, останавливает. Козырнул, наклонился в кабину... Нет, ничего, пошел зеленый фургон. Весна! Сам милиционер, улучив минуту, прыгнул на кочку посреди лужи, ломает побеги ивы. Оглядев в вытянутой руке букет, милиционер несет его к мотоциклу...

Весна голосов. Пригибаясь, ошалело кричит на телеграфном столбе ворона. Над лесной прогалиной трепещет, заливается жаворонок. В светлых березняках – теньканье, посвисты, невнятное щебетание. Под снегом в лощине течет, булькает вода. Сорока летит над лесом и держит в клюве непомерно тяжелый для нее прутик березы...

Я присел на пенек закусить... Даже маленький остаток хлеба всегда совестно бросить. Заостряю ветку березы и накалываю ломоть в надежде: поедят птицы. И вдруг с обрезанной ветки на руку – частые капли. Березовый сок! Прилаживаю крышку от термоса. Пока вожусь у костра, из березы в «бадейку» до краев натекает сладковатая холодная влага.

От питья, кажется, даже хмелеешь. Еще раз приладив к ветке «бадейку», глядишь, как падает капля за каплей березовый сок, и думаешь: вот и еще одна весна. И радостно и немного грустно. А за спиной в светлых березняках свист, щебетанье и время от времени шорох – оседает под солнцем последний снег.

Фото автора. 14 апреля 1967 г.

Край Москвы

Широка страна моя...

Попавшему в Москву первый раз кажется: у нее нет края. Глянешь с Ленинских гор – сзади Москва и впереди за горизонт в дымку уходит Москва. Пятьдесят лет назад в городе жило около двух миллионов людей. Теперь – шесть с половиной...

Едущий на поезде не замечает края огромного города. По радио торжественно объявляют: «...в столицу нашей Родины...» Пассажир стоит у окна разочарованный. В эту минуту он не видит города, которого ждал. Старые шпалы, бараки, штабеля бочек, досок, ржавое железо, белье на веревке... К сожалению, у всех почти старых и больших городов мира «входные двери» не очень привлекательны. И все-таки можно и обязательно надо благоустроить «ворота» нашей столицы. Убрать мусор, хлам, насадить деревья, кое-что обновить, покрасить. В этом году это был бы тот естественный случай, когда к празднику в доме наводят порядок. Можно назвать ведомства, которым надо в первую очередь позаботиться: Моссовет, Министерство путей сообщения СССР. Но, наверное, и все москвичи, и комсомолцы в первую очередь, не откажутся взять в руки веник. Один-два серьезных субботника по примеру того, что был когда-то в Кремле, и дело будет хорошо сделано...

Но есть у Москвы край, где приезжающий сразу же после деревенок, лесов и пашни видит начало чистого высокого города. Поле, фронт строительства – и сразу асфальт, зеркальные витрины, россыпь огней на этажах. Это молодая Москва, Юго-Запад. В этом месте особенно хорошо видно, как растет древний город. Метро тут выходит в поле за город. В трех шагах от выхода летом собираешь цветы, а зимой выходи – прямо на лыжи. Край города все время движется. Я уже лет десять вижу эти места. И всякий раз стоишь удивленный: дома подступили к овражку... дома перешагнули овраг... Вот тут, на месте этого магазина, помню, поломал лыжу...

В первый раз въезжаешь в Москву в этом месте или возвращаешься издалека – всегда радостно видеть встающий на горизонте белокаменный город. Шум полевого ветра, и сразу же городской гул. Здравствуй, Москва!

Фото автора. 20 апреля 1967 г.

Тысяча слов о бескорыстии

Начну с истории, которая для меня во многом определила отношение к миру. Всякий раз, когда заходит разговор «о людях», «хороши они или плохи?», я вспоминаю этот случай из детства.

Отец взял меня в город. Это был возраст, когда поездка в город – событие. Помню, мы искали обувь, но зашли и в книжный магазин. Я там увидел книжку... Я не выпускал ее из рук и умоляюще глядел на отца. Отец полистал, заглянул за угол задней обложки и сказал: «В другой раз купим». Книжка была дорогой. Но дома я целый вечер говорил только о ней. И отец сказал: «Собирай пузырьки...» За два дня я собрал и вымыл целую корзину мелкой посуды. Отец взял занести посуду в аптеку. На другой день он вручил мне четыре с половиной рубля: «Как раз на книжку и на хорошую булку».

Сердце колотилось, пока мы на другой день с теткой шли к магазину: «А вдруг продали?» Нет, книжка лежала на прежнем месте. И я стал ее обладателем.

Когда мы сели в вагон дачного поезда, все сразу заметили, какое сокровище я везу. Кое-кто подсаживался взглянуть, и я великодушно давал подержать книжку. То были «Басни Крылова». Я сейчас не могу понять, почему мне так понравилась эта книжка. Наверное, из-за рисунков. Чуть ли не на каждом листе были большие картинки. Весь вагон радовался моей покупке. Тетка рассказала, каким способом добыт капитал на книжку. И на полчаса я сделался центром внимания.

Поезд тронулся. Прошумели мосты. Побежал мимо окон сосновый и березовый лес. Я загляделся и поставил книжку на подоконник. Толчок после стоянки. И – ужас! – книжки на подоконнике не было. Она исчезла между двойной обшивкой вагона. Еще не понимая серьезности положения, я испуганно глядел на тетку, на соседа-летчика, попытался просунуть руку... Через минуту уже весь вагон участвовал в спасательных работах. Откуда-то взялась проволока. Проводник пытался светить фонариком, летчик, закатав рукава гимнастерки, водил крючком между обшивкой. Весь вагон сгрудился около нашей скамейки. Но я не различал лиц. Глаза были мокрыми. Помню только: тук-тук-тук... Поезд бежал, и вот уже скоро, через одну остановку, будет наша станция...

– Сейчас – Тресвятская, – объявил проводник.

Летчик застегнул рукава гимнастерки, обнял меня за плечи:

– Ничего. Поезд еще долго будет идти. Мы достанем и пришьем обязательно. Где ты живешь?

Я всхлипывал и не мог говорить. Говорила тетка, а летчик записывал...

Дома тетка красочно описала, как все случилось. На другой день, вернувшись с работы, отец, не раздеваясь, прошел к моей постели на сундуке.

– Не спишь? Ну вот держи...

– Достал?!

– Достал, достал... – Отец засмеялся и пошел к умывальнику.

В руках у меня была та самая книжка. Я засыпал, не выпуская ее из рук...

А дней через десять к нам зашел почтальон. Мы никогда не получали даже и писем. Мать удивилась, принимая большой пакет в желтой бумаге. Развернули... Книжка! И листок: «Я же говорил, что мы достанем ее...»

А через день – опять почтальон, и опять большой пакет. Потом сразу пришло два пакета. Потом еще один. Еще... Семь одинаковых книжек!..

С той осени прошло без году тридцать лет. Книжки в войну потерялись. Но осталось самое главное – хорошая память о людях, которых я не знаю и не помню в лицо. Осталась

подтвержденная жизнью уверенность: хороших людей больше, чем плохих. И жизнь движется вперед не тем, что в человеке плохого, а тем, что есть в нем хорошего.

Я знаю человека, который двадцать лет, с первого года войны, просидел на чердаке и почти потерял человеческий облик. На этот шаг его, неопытного и трусливого, толкнула корысть: пусть умирают другие, а я хочу жить. И все мы знаем ровесника этого дезертира – Александра Матросова. Во имя других жизней человек отдал самое дорогое. Если говорить о высоких примерах бескорыстия, то это самый высокий пример.

Наша победа в минувшей войне добыта не только оружием, силой духа и строя, но и силой нравственности, бескорыстным служением Родине. Примеров этому очень много. Их найдешь почти в каждом доме, пережившем войну.

Врач Тихомирова Лидия Петровна в занятом фашистским войском Калининe, рискуя жизнью, выхаживала раненых красноармейцев. Позже эта женщина удочерила и вырастила трех девочек умершей сестры. Вспомним узбекские семьи, приютившие сотни сирот. Вспомним дорогу через Ладогу в Ленинград. Погибая под бомбами, проваливаясь под лед, шоферы везли хлеб изможденному блокадой, голодному Ленинграду. В самом Ленинграде ученые, хранившие образцы злаков, голодая, не тронули зерен, принадлежащих науке. Тысячи людей отдали в те годы все, что имели. Полистайте газеты и вы увидите снимки самолетов с надписью: «Тамбовский колхозник», «Саратовский колхозник»... Колонны танков были построены на добротные средства уральцев, сибиряков, горьковчан, воронежцев. Последний рубль, варежки со своих рук, хлеб, кровь, сон, здоровье – все отдано было на общее дело. И часто даже ложь была бескорыстно святою. Я помню материнские письма отцу: «О нас не беспокойся. Мы все здоровы. Харчимся неплохо». И это в ту весну, когда мы ели «пончики» – гнилую, зимовавшую в земле картошку.

Бескорыстие не требует ни почестей, ни наград. Полтора года назад в «Известиях» я прочитал историю, которую уместно сегодня вспомнить. Вот эта история, рассказанная полковником Яковом Комловым.

«Это донесение о подвиге. К сожалению, опоздавшее почти на четверть века...

В декабрьский день 1941 года танковая бригада, где я служил комиссаром полка, получила приказ: из района Нахабино обойти с юга Истру и выйти на Волоколамское шоссе, отрезать отступающие части противника.

17 декабря, овладев Дуплевым и Румянцевом, мы вошли в Ново-Петровское и стали: виадук через шоссе был взорван.

Три первых танка миновали полотно и подошли к броду, когда я заметил справа две фигуры – пожилую женщину и мальчонку. Они бежали наперерез и что-то кричали.

Я дал команду остановиться.

– Там мины! Мины!..

– А где же переправиться, мать?

– Лучше вон там, у моего дома. Там речка поуже.

Я огляделся. Дом стоял как раз поперек ложбинки, которой мы только и могли вскарабкаться на шоссе. Но берега против дома были слишком круты.

– Ничего не выйдет, мать. Нужен мост, бревна...

– Бревна – вот... Разбирайте мой дом.

– Где же вы будете жить? Село-то сгорело.

– Пересидим в землянке... Спешите, милый, фашисты уходят. – Женщина первая взялась за топор.

Десяток минут, и дом наполовину разобран. Через реку легли накаты из бревен. На глазах у матери мальчонка вызвался проводить танки в обход минного поля.

Переправа была в разгаре, когда под одной из машин разорвался не крупный фугас. Такие только и давить танком, но бежавшего рядом мальчонку контузило...

Мне доложили, что фашистов настигли в Антоновке. А позже я узнал: через переправу, наведенную на берегу Маглуши, прошли все части двух армий – 16-й и 20-й.

Я вернулся на переправу с блокнотом. Записал: «Женщину зовут Кузнецова Александра Григорьевна, судомойка сельпо, вдова. Сыну 11 лет. Зовут Петром». Вместе с командиром полка, ныне Героем Советского Союза И. Г. Черяпкиным, мы кратко описали случай в Ново-Петровском и просили органы Советской власти оказать Кузнецовым всемерную помощь...

Через двадцать три года день в день – 17 декабря я, оказавшись под Москвой, приехал в Ново-Петровское. Дом был как прежде, только кустарно залатан. Я постучал. Я высокой кровати подняла голову старая, видно, очень больная женщина.

– Вы меня помните?..

Мое лицо женщине не запомнилось. Но мы сразу же вспомнили все подробности переправы.

– А бумагу?.. Помните, танкисты вам дали бумагу...

– Да, да... Бумагу я в карман положила, а он полон снегу, наверное, выгребла...

– Но вы хоть просили, чтобы вам помогли?

– А что просить. У всех в селе тогда разрушилось и сгорело...

Конечно, были в войну и предатели, и трусы, и жулики. Но это был только мусор на глубокой реке человеческого бескорыстия. Обмелела ли эта река сегодня, в погожие дни жизни? Нет. По-прежнему эта сила – самая мощная из всего человеческого. Вот пример еще с одним домом.

В Ташкент после землетрясения из Севастополя написала пенсионерка Максимова Федосья Геннадиевна: «Хочу помочь, чем могу. С дочкой мы откладывали понемногу. Прочли о вашей беде и решили купить сборный дом. Поселите достойного человека...» В доме поселился семидесятилетний Азимходжа Исламходжиев. Что можно сказать о нем? Всю жизнь работал. Вырастил сыновей. Один сын погиб под Севастополем, другой – под Смоленском...

Не менее искренна и бескорыстна лепта, присланная в Ташкент из Сибири. Пишут двое: «Посылаем десять рублей из нашего солдатского жалованья». И вот короткая справка: на открытый в Ташкенте счет сегодня пришло уже девять миллионов рублей. Миллионы рублей, которые пришли в Ташкент почтовыми переводами, – это особые деньги. Людей посылавших никто не неволил, так же как никто не неволит людей отдать свою кожу, свою кровь пострадавшему человеку – таких случаев множество. Это все та же река человеческого бескорыстия. Семь одинаковых книжек из моего детства – это только один из маленьких ручейков, образующих эту реку.

Сегодня, в день памяти Ленина, есть особый повод для нашего размышления. Владимир Ильич всей своей жизнью, до последнего часа, являл пример бескорыстного служения людям. Не было еще на земле человека, который отдал бы людям столько же много. В человеческом бескорыстии Ленин видел основу общества, о котором мечтал и которое начинал строить. И самым лучшим нашим памятником Ленину является не тот, в который войдет большее число пудов бронзы, а дела наши и наше общежитие.

Мы обманем себя, если скажем, что корысть в нашем доме не существует. Существует, к сожалению. Она притаилась по разным углам и щелям и приносит нам горечь еще очень большую. Мещанство, карьеризм, казнокрадство, фальшь, иждивенчество, претензия получить привилегии и всякого рода «жизненные надбавки». Придется приложить еще немало труда, чтобы похоронить все это. Но мы не можем не замечать: в нашем доме корысть вынуждена приспособливаться, носить личину, маскироваться. Корысть несовместима с избранным нами путем. В сутолоке жизни мы не всегда отчетливо сознаем, на обломках какого мира начинался наш путь. Вот человеческий документ из этого мира. Давнишняя выписка

в моем блокноте из автобиографической книги канадского писателя Сетона-Томпсона «Моя жизнь»:

«Как-то раз отец позвал меня в свой кабинет. Он открыл большую приходно-расходную книгу и сказал:

– ...Ты достиг совершеннолетия. Отныне все обязанности по обеспечению твоего существования, которые лежали до сих пор на мне, ты должен взять на себя. Я оберегал тебя. Всем, что есть хорошего в тебе, ты обязан мне, твоему отцу. Этот долг неоплатим. Но есть другая сторона дела.

Он стал перелистывать толстый том приходно-расходной книги, указывая на расходы, которые он записывал на мой счет, начиная со дня моего рождения. Вся сумма исчислялась в размере 537 долларов 50 центов.

– До сих пор, – сказал отец приподнятым тоном, взволнованный своей добродетелью, – я не насчитывал процентов. Но с сегодняшнего дня я буду причислять шесть процентов в год...

Я был потрясен до глубины души и сидел, как окаменелый, не в силах вымолвить слова и только думал про себя: «...Двадцать один год, а в жизни еще ничего не достигнуто. Ни гроша в кармане. Никаких перспектив. Ничего, кроме огромного долга... Конечно, отец прав. Я обязан уплатить долг и должен сам бороться за свое существование».

Можно представить себе аккуратные записи: «Куплено пряников – 2 цента», «Куплено лекарств – 1 доллар 5 центов»... У всех людей на земле есть неписанный закон нравственности: родители заботятся о своих детях; поднявшись на ноги, дети заботятся о родителях. Но вот какую форму принимает этот закон в мире, где деньги, и только деньги управляют людьми. Нет, мы уже никогда не захотим вернуться к этому миру.

Мы законно гордимся построенными за наши пятьдесят лет заводами, комбайнами, спутниками, ледоколами. Это естественная гордость общества людей, начинавших жизнь от сохи и лаптей. Но если оглядеть наши ценности, главной будут не комбайны и спутники. Американец, с которым у меня состоялся разговор на антарктической базе Мак-Мердо, не мог понять: «Ваша целина без принуждения?.. Как это так, оставить жизнь в хорошем месте и поехать в трудное?..» Это в самом деле не легко понять человеку иного, не нашего мира. Главное, что радует нас в успехах и дает силу преодолеть трудности: в своих идеалах и устремлениях общество, задуманное Лениным, опирается на лучшее из человеческих качеств – бескорыстие.

22 апреля 1967 г.

Он видел небо...

Жизнь течет по-прежнему. А его нет. Радио передает траурную мелодию...

Дорога, по которой ходят люди, назвавшие себя космонавтами, — не гладкая. У нас вошли в поговорку слова: «Все системы работают нормально». Но будем честными: риск всегда оставался. И всегда от людей, поднимавшихся в корабль, требовались твердость духа и мужество, иначе за что бы такие почести космонавтам. Для меня на космодроме минута старта была всегда драматична, потому что там, на верху ракеты, гремющей огнем и начиненной несчетным числом приборов, сидел человек. Обычный человек, из плоти и крови.

Владимир Комаров (слева). Память о нем будет хранить это деревце на космодроме.

Когда в считанные секунды ракета исчезала с глаз, все спешили к конструктору, руководившему стартом:

— Поздравляем...

Я помню, как он всегда одинаково останавливал поздравлявших:

— Подождите, рано еще. Будет посадка. Тогда и радоваться...

Слишком много всего неожиданного подстерегает человека-разведчика. Сегодня – горький час для семьи, для России, для всей страны, для всей Земли. Это не преувеличение. Он был посланцем Земли. И умер у нее на виду.

Мы можем сетовать и искать ту «гайку», которая отказала. Мы обязаны найти эту «гайку» во имя новых шагов. Но мы сознаем и неизбежность риска, и возможность потерь. И мореплавание, и авиация, дороги к полюсам и неведомым землям отмечены жертвами. На этот раз жребий выпал Владимиру Комарову. Миру известны его лицо и характер, и образ мыслей. Он не был новичком в этом полете. Наоборот, только опытному можно было доверить новый корабль. И он первым из наших во второй раз поднялся по трапу.

Говорят, что старт был, как всегда, гладким. Все мы слышали знакомый спокойный голос уже с орбиты. И вот, когда испытание корабля уже заканчивалось, это случилось. Мы увидели: при всем мужестве и выносливости космонавты – обычные люди из плоти и крови...

Вспоминаю первую встречу с Владимиром Комаровым. Это было в апреле шесть лет назад, в тот день, когда миру предстал Гагарин. В квартире Гагариных все ждали вестей из космоса. Все волновались. Жена космонавта улыбалась и плакала. С недоумением глядели на взрослых дети, суетились журналисты. И только один человек оставался спокойным – летчик с погонами капитана. Он сидел у приемника и что-то записывал в тетрадку. Я думал, что к Гагариным на этот случай приехал родственник.

Три года спустя, когда готовился очередной старт и я по адресу: «Владимир Михайлович Комаров» – постучал в квартиру, дверь, улыбаясь, открыл подполковник. Но я сразу узнал спокойное лицо знакомого капитана.

В тот раз мы просидели до глубокой ночи. Разговор шел о жизни, об отношении к ней, о предстоящем полете. Дочку долго не могли уложить спать. Она сидела у отца на коленях.

– Папа, тебе самое большое яблоко.

Отец на минуту сделался серьезным, поднял «антоновку»:

– Земля похожа на яблоко, только побольше...

Мне показалось тогда, что он говорил это не только для дочки, он искал простых образов для осмысления предстоящего...

Листаю уже успевшие чуть-чуть пожелтеть газеты. Его старт с тремя товарищами. Командирский отчет с борта «Восхода». Благополучный финиш. И его праздник – объятие родной Земли. Он узнал радость победы и славу. Слава не изменила его. Встречаясь с Комаровым, мы всегда его видели ровным, скромным, приветливым. При огромной занятости делами и учебой он не забыл друзей и не потерял сердечной отзывчивости ко всем людям. Таким был этот советский человек, рядовой нашей партии, воспитанник комсомола.

В ответственные часы предыдущих полетов я видел Комарова рядом с конструкторами. С ним советовались, спрашивали его мнение. Он знал всю меру сложности этих полетов. И он без колебания поднялся на борт нового корабля...

Мы в нашей памяти имя его поставим в ряду с именами лучших сынов Земли. «Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым...»

Мы будем хоронить Комарова Владимира Михайловича, как солдата переднего края.

Вечная ему слава.

Вечной будет память о нем.

Фото автора. 25 апреля 1967 г.

Мощные реки

Широка страна моя...

Газета, которую вы сейчас держите в руках, весит двадцать шесть граммов. Тираж газеты – семь миллионов экземпляров. Газета поглощает ежедневно пятнадцать вагонов бумаги. Пятнадцать вагонов! А завтра – опять столько же...

Теперь глянем на снимок. Тут начинается эта бумага: газетная, чертежная, книжная, оберточная. Тут начинаются строительный брус, крепежные стойки для шахт, двери, полы, переплетные рамы и мебель. Вы видите на снимке примерно полмиллиона бревен. Это тоже суточный «тираж» одной только за́пани на северных реках. Завтра еще полмиллиона бревен останутся у запруды, пройдут сортировку, будут связаны в плоты и отправлены по большим рекам к югу России или на Север в торговые порты для продажи за рубеж.

В каждом деле своя страда. У хлебороба – осень. У лесосплавщиков как раз это время – конец апреля и май. Вскрылись реки. Надо спешить по самой высокой воде сплавить все, что заготовлено за зиму. Это не только у нас. В Скандинавии, в Канаде, в Соединенных Штатах малые реки, если поглядеть на них сверху сейчас, показались бы мощеными лесом.

Место сбора плывущих бревен называется за́панью. Крепкий плавучий пояс прогибается, но не рвется под огромным напором. Бревна громоздятся, выстраиваются под водой в несколько этажей. Бывает, двенадцать рядом ждут очереди у запруды. По длинным коридо-

рам бревна подгоняются к сплотовым машинам, и далее лес идет уже связанным в огромные пакеты.

В этом году с Севера поступают известия: снегу было немного, паводок очень низкий. Местами воды не хватает даже для того, чтобы сошел лед. Плоты, связанные зимой, приходится распускать и сплавлять лес вот так, отдельными бревнами. Это называется – молевой сплав. Таким способом по малым рекам сплавляется почти весь лес.

И теперь другими глазами посмотрим на это зрелище сплава. Не все бревна дошли к запруде. Много осталось на мелях, много утонуло. Дно у всех сплавных рек вымощено бревнами, и даже не в один слой. Но дело не только в этих потерях. В сплавных реках умирает всякая жизнь. Рыба не находит тут корма, вода отравляется продуктами разложения коры, разрушаются берега. Губятся особенно ценные нерестовые речки. И это не только наша проблема. Та же картина в других странах. И хотя всем понятны издержки такого хозяйствования, изменить дело к лучшему крайне трудно – слишком дорого стоят дороги в северных лесах и крайне дороги перевозки по ним. И все-таки шаги для облегчения участи рек делаются. После войны две тысячи восьмьсот крупных и малых рек в нашей стране были сплавными. Теперь только тысяча с небольшим рек несут все возрастающий груз.

Сейчас как раз самый разгар лесосплава.

Снимок сделан с помощью летчиков «Аэрофлота». Пилот вертолета – Вадим Лутхин.

Фото автора. 30 апреля 1967 г.

Каспийский паром

Широка страна моя...

– Паром через море?..

– Да.

Наш вертолет появился в минуту, когда груженный паром покидал пристань в Баку. Сзади остались линейки рельсов. Паром отошел, и рельсы оборвались над морем. На другой стороне Каспия, в Красноводске, железная дорога вот так же обрывается возле воды. Двенадцать часов пути, и паром, развернувшись кормой, подойдет к рельсам. Откроется кормовая «заслонка», и десятки вагонов из утробы этого корабля покатаются в Ашхабад, Ташкент... Три часа стоянки, и опять вагоны, теперь уже из Ташкента, из Душанбе, пойдут морем в Баку. Раньше весь груз на берегах переваливали из вагонов на корабли. Теперь кусок железной дороги ходит по морю.

Внешне паром не отличается от обычного корабля. Пожалуй, только размеры непривычны для Каспия. Его делали на Волге, в Сормове. Первый путь по Волге до Каспия был самым ответственным. Со снятыми мачтами паром еле-еле прошел под мостами...

– Каспий неласковый, каково попадать в шторм с таким необычным грузом?

– Ничего не случается. Вот смотрите...

Идем с капитаном по гулкому, похожему на депо, нутру корабля. Вагоны растяжками крепко приторочены к палубе.

– Возим стекло, домостроительные блоки Ташкенту. Никаких жалоб...

– И пассажиров?

– А как же? В каждый рейс можем взять четыреста человек...

Мягкие кресла, каюты, музыкальный салон, ресторан.

– Выгодна переправа?

– Каждый паром – миллион прибыли в год. И удобства! Представляете прежнюю переправку: химикаты, удобрения, хлопок, хлеб...

– Единственный морской паром у нас?

– У нас да. Идет разговор о линии с Сахалина на материк. Но там много проблем.

– А в других странах?..

– В Европе много автомобильных паромов. Подобных нашему много в Японии. Там это – лучшее средство соединить островные дороги.

...У нас по рекам ходит много больших и малых паромов. С берега на берег переправляют паромы людей, автомобили, повозки, скот. У одного парома – мотор, у другого – старинная тяга: «раз-два – взяли». И у всего братства паромов есть свой флагман, вот этот, с «железной дорогой внутри», с музыкальным салоном, с локатором, с капитаном и штурманами. Паром через Каспий.

Снимок сделан с помощью летчиков «Аэрофлота». Пилот вертолета – Владимир Петлай.

Фото автора. 21 мая 1967 г.

Город на сваях

Широка страна моя...

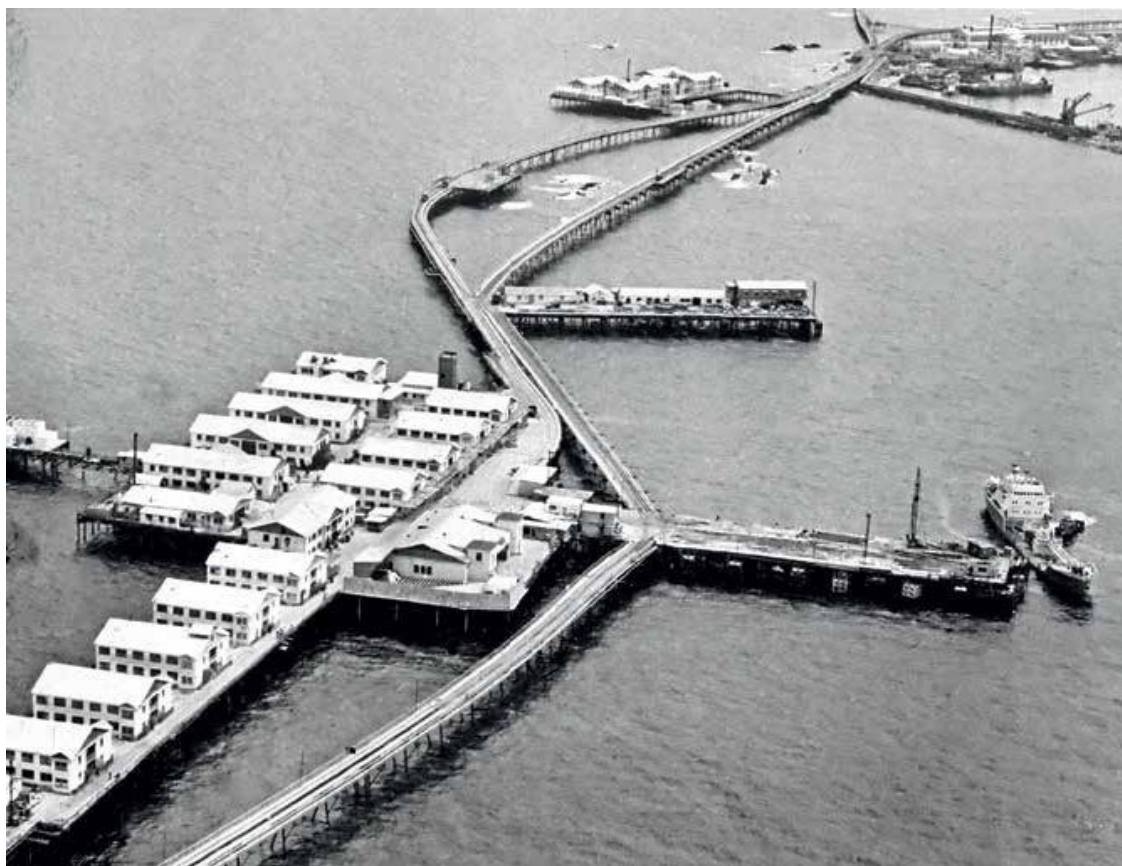

Когда вертолет снизился, «паутина» обернулась сложным переплетением мостов.

«Кому-то пришла счастливая мысль затопить корабли. Потом уже началось все остальное...»

Корабли до сих пор целы. Соленая вода источила железо, но они еще держат палубы над водою, эти семь кораблей. Стоят кругом и не пускают в середину волну. И если даже весь Каспий подымется на дыбы – в кругу кораблей всегда можно найти спасение и бросить якорь.

Так посреди воды началась жизнь. Море в этих местах неглубокое – заколотили первую сваю, поставили первый дом. Теперь гостей везут поглядеть на дом и на семь затопленных кораблей. Это старина, которой, впрочем, нет еще двадцати лет. Молодой же город на железных ногах все дальше и дальше бежит по морю от первого дома.

В штормовую погоду в этих домах качаются люстры и слышно, как под полом ходит вода...

Сюда можно прийти из Баку пароходом. Если очень спешишь, можно и вертолетом. Вертолет везет бараньи туши, ящики с молоком, пирожные, медикаменты. Для тебя находится уголок у окошка, и ты видишь сначала воду, зеленую в белых искорках, потом одинокие нефтяные вышки, а потом уже это... Ты просишь летчика сделать круг, чтобы получше разглядеть и запомнить... С большой высоты кажется: паутина аккуратным узором оплела море, и в паутине запутались кучки домов. Вон и пароход-паучок спешит к середине узора. И наш вертолет мотыльком опускается к паутине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.